

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2025

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

ЗА ЛЕДЯНЫМИ
ОБЛАКАМИ

FUTURE CORP.

18+

Вселенная «Метро 2035»

Дмитрий Манасыпов

**Метро 2035. За
ледяными облаками**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Манасыпов Д. Ю.

Метро 2035. За ледяными облаками / Д. Ю. Манасыпов —
«АСТ», 2018 — (Вселенная «Метро 2035»)

ISBN 978-5-17-108315-1

Выжившие в огненном аду битвы у мертвой реки, они ушли дальше. Скрываясь и убегая от зверей в человеческом облике, не знали, что встретят еще более страшных врагов. Пятьсот километров сквозь пургу и буран, смерть и страх. Посреди бескрайних пустых равнин, засыпанных снегом и покрытых инеем, полных скрытой угрозы. Между гулкими мерзлыми стволами спящих ядерным сном деревьев, прячущих новых хозяев. Вдоль звенящей от мороза и злобы старой нитки железной дороги. Дорога стали и надежды привела их сюда, на тропу страха и боли, теряющуюся под сыпящим снегом. Снегом, сковывающим все под низкими и злыми ледяными облаками.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108315-1

© Манасыпов Д. Ю., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Преследователи	10
Глава 1	21
«Такое разное прошлое: дождь не может идти вечно»	29
Глава 2	30
«Такое разное прошлое: хозяйка счастья»	42
Глава 3	43
«Такое разное прошлое: давно выпавший снег»	55
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Юрьевич Манасыпов

Метро 2035. За ледяными облаками

© Глуховский Д.А., 2018
© Манасыпов Д.Ю., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Шёпот страха – громче крика радости.
«Песни Койота»*

Пролог

Раньше: Башкортостан, бывш. объект МО, в\ч... (координаты засекречены)

– Что у нас сорока на хвосте принесла? Мм-м, да ты не пустая, моя милая птичка.

Птичка, переступив цепкими когтистыми лапами, повернула нижнюю, мыслящую голову, коротко каркнула. Подставила брюшко, кожистое, без оперения, с вшитым плотным кармашком-футляром. Бумага, туго свернутая в трубочку, разворачивалась с трудом.

– Интересно...

Пальцы, нежно державшие тонкую кальку, пережившую Войну и Беду, пахли плохо. Так, что крылатая вестница, каркнув, подпрыгнула на месте, потешно поджав парные неразвитые лапки-крючья. Дернулась, стараясь оказаться подальше от рук и пальцев. Пальцы ЕЁ человека, отправлявшего сюда, тоже пахли неприятно. Но не страшно.

Сильные чистые руки с редкими пигментными пятнами на сухой льдисто-белой коже пахли многим. Смертью, болью, спиртом, кишками, кровью, табаком, сталью, дезинфекцией. Они смердели мельчайшими крохами кости, мозгового вещества, сукровицы и чужой кожи. Под выпуклыми, крепкими и острыми ногтями ничего не виднелось. Как и кожа, ногти всегда были чистыми. На это уходило много времени, но работа того требовала.

Вестница опасливо отступила еще немного. Сразу после шелеста полностью развернутого донесения.

– Как интересно... Котенок, иди сюда, послушай, что прислали нам из Кротовки. Ко мне, живо!

Черный круглый глаз мыслящей головы косился на тень, возникшую в коридоре. Голова рабочая обладала тремя глазами и даже крохотным четвертым сзади. Но это рабочая голова – здесь, внутри, она спала. А крохотная соседка жила за них обеих. И за большое тело, выращенное здесь два года назад.

Тень она знала. Эта тень частенько приходила в птичник, крала из клеток яйца и пила. Иногда вытаскивала из инкубатора птенцов и ела сырыми. Жадная и всегда голодная. Хозяин тени, покрытый серым пухом, ей во всем потакал, надеясь до отвала при любой возможности. Вестница помнила, как мягкие ловкие пальцы со спрятанными в подушечках коготками чуть не сцапали ее. Тогда еще птенца-подростка. Тень и ее хозяин пугали. Но не так, как человек, державший бумагу.

– Какие интересные события творятся в мире. Помнишь, Кротовку захватили те личности, пришедшие с Бузулука. Военные, Котенок. С танком? С танком, да. Я, как всегда, был прав, когда нашел того человека. Из этого... Ордена. Стоило ожидать, ведь войсковых соединений в Оренбуржье всегда хватало. А уж закрытых полигонов – тем более. Так, что дальше? Письмо позавчерашнее, наша птичка задержалась. Нехорошая птица...

Вестница каркнула, подпрыгнув и желая улететь. Тонкая цепь, пристегнутая к кольцу на лапе, не дала. Натянулась, бросила ее на полку. Это движение пальцем, это «а-я-я-я-й» мыслящая голова помнила. После него многие сестры умирали.

– Она понимает, – мурлыкнула пушистая тень, – понимает...

– Конечно, понимает, глупое ты создание. Я же не просто какой-то там биолог-исследователь. Кто я, Котенок?

– Вы гений, хозяин.

– Пакость... – Сильные белые пальцы взяли за мягкое вытянутое ухо, скрутили. Пушистая тень жалобно мяукнула. – Ты позволяешь себе сомневаться во мне, мерзкая мохнатая гадина?

– Нет, хозяин, нет...

Пальцы брезгливо стряхнули волосы.

– Слушай дальше, мелкая дрянь. Наш человек сообщает о походе в сторону Отрадного. В погоне за весьма интересной особой. Ты понимаешь? Ба... да ее ищут и со стороны Новой Уфы. Эти чертовы коммуняки. Хм... все становится совсем интересно. Ей интересуется этот чертов мутант по имени Мастер... Мастер, тоже мне. Урод, зазнавшееся как бы божество, чертов мутант... Живущий в мерзости и смердящий собственной гнилью... и называющий себя так пафосно... Мастер...

Котенок, глядящий ноющее ухо, откровенно хотел удрать. Так же, как и вестница. Но они оба боялись человека с сильными пальцами, пахнущими смертью. Хозяина.

– Девочка с талантом. Девочка, умеющая, возможно, многое. Или пустышка вроде тебя, Котенок. Не шипи, ты мне все равно дорого, маленькое гадостное чудовище. Итак, что мы имеем?

Он прошел к своему столу. Большому, чистому, лишь с рабочим журналом, аквариумом с мерзкой шипастой маленькой рыбкой и подложкой для записей. Сел в удобное кресло, усмехнулся.

– Птичка задержалась. На два дня. Вторая, переданная с ней же в Кротовке, не вернулась. Скорее всего, Котенок, наш человечек умер. И что мы имеем? Немало. Точку отправления и точку назначения. Отрадный и Дёма. Сколько у нас дорог? Котенок, я накажу тебя. Почему при слове «дороги» карта еще не развернута?

Котенок кинулся к стене напротив, разворачивая карту. Включил две большие лампы, освещая ее. Хозяин откинулся в кресле. Блеснули стекла очков. Вестница, переставшая пытаться разорвать цепочку, каркнула.

– Котенок, надень нашему питомцу удержалку. Мне надо рассуждать.

Вестница, безуспешно пытаясь разбудить рабочую голову, подпрыгнула. Котенок поймал ее, выпущенные когти вцепились в грудь, вырывая перья. Плотная резина обхватила клювы, оба, стянула. Вестница мотала головой, пытаясь освободиться. Котенок, сильно сжав оба крыла у основания, крутанул их против часовой. Хрустнуло, вестница упала, постукивая головой по полке.

– Ты злобная тварь... нельзя просто убить несчастное создание?

– Я люблю-у-у есть живы-ы-ыми-и-и, хозяин.

– Глупость какая-то. Хорошо. Не забудь потом отстирать комбинезон и принять антигельминтный препарат. Так, посмотрим. Котенок, скажи мне, хотя... что я... скажи... На выбор – несколько путей. Если от Отрадного двинуться к Дёме, то главная цель – это Абдулино. Хотя даже попадание туда не страшает беглецов от погони. Майор Войновская, как понимаю, относится к своей задаче серьезно. И остановить ее сможет только гарнизон коммунистов. А он в Белебее. То есть у наших ребят впереди триста километров.

Котенок, сидя у спрятанного в стене чугунного радиатора, заинтересованно муркнул. Он очень любил, когда перед беглецами триста километров. Тогда на них можно поохотиться. Если Хозяин разрешит.

– Что? Ты заинтересовался, мое кровожадное, безмозглое чудовище? И откуда ты свалился на мою голову? Триста километров и несколько вариантов пути. Рассмотрим все по порядку.

Трасса «М-пять». Не надо откидывать такой вариант, Котенок. Им всего лишь надо дойти до Красного Яра или Серноводска, и все... дальше прямо по ней. Вдоль нее много опасностей, но там не заблудишься. И есть поселения.

Железная дорога. Длиннее, путаннее, но надежнее. Вдоль нее можно добраться до коммунистов и их гарнизона, в отличие от трассы. По трассе же наши путники доберутся только до перекрестка между Октябрьским и Белебеем. И...

Котенок, чуть не задремав, вскинулся.

Пальцы барабанили по столу ритм. Рваный и злой. Шерсть мутанта встала дыбом. Хорошего ждать не стоило.

– Быстро за Борменталем, – хозяин достал из ящика стола тяжелую стеклянную бутылку. – Одна нога здесь, остальные – там. Стоять!

Мутант остановился. Слушать и слушаться. Не задумываясь выполнять все. Только так можно выжить здесь, в доме Хозяина.

– Ласку, Проводника, Бледного, Ча, Миноса и Блэкджека. Их тоже.

Котенок понесся по едва освещенному коридору. Мимо стальных дверей, хранящих секреты, пахнувших лекарствами, металлом, смертью и болью. По выщербленным временем плиткам пола, с бесчисленными следами от каталок и ногтей с когтями. Хозяин не захотел просто поднять трубку телефона или нажать на кнопку срочного вызова. Ему нравилось гонять Котенка. Но тот не спорил, себе дороже.

– Так... – Хозяин отхлебнул марочного коньяка. «Арагат» заканчивался, но он знал, что его найдут и принесут. Есть что просить у него, валяясь в ногах и выполняя любое требование или приказ. Просьб не было. Он никогда не просил чего-либо у своих слуг. Не заслуживали.

– Так, – говорить с самим собой давно стало привычкой, – что мы имеем еще? Донесения от санитара из Новой Уфы. О чем? О чем, о чем, о важном. Мозаика складывается прекрасная. Ближайшая доверенная Дармова, старший лейтенант Уколова, отбыла в неизвестном направлении. И перед этим санитары привезли из Чишмов сталкера Пулю. Нашего хорошего знакомого, Котенок, Пулю. А, ты ушел... и ладно. А наш человек в Ордене сообщил о том, что девушку могут встречать из Уфы. Полагаю, что это и есть Пуля и Уколова. Уже плюс.

Ах, да. Еще один путь. Практически прямой. В обход обитаемых мест и дорог. На Приютово. Да, так и есть. Хорошо... Не испачкайте ковер, олухи!

Вестница, слабо трепыхающаяся на полке, повернула голову к новым теням и отбрасывающим их людям. Вернее, не людям. Таким же, как она, странно изменившимся в Беду организациям, пусть и прямоходящим.

Котенок перепрыгнул через хозяйский ковер, его гордость, настоящий туркестанский, узорчатый. Прижался к горячему чугуну, устроившись удобнее. Рядом со своими братьями он стоять не хотел. И терпеть их не мог. Кроме Ласки. Ее Котенок любил.

Гибкая и невысокая, в темном комбинезоне, в свитере с высоким горлом. До плеч остриженные рыжие волосы с белыми прядями. Узкое тонкое лицо с черными глазами практически без радужки. «Грачи» с тройкой ножей на поясе и бедрах. Его подружка, Ласка, такая же хищная, как ее четвероногие тезки.

На остальных Котенок своего внимания не тратил. Не заслуживают. И он даже развернулся к ним тем местом, где у нормальных кошачьих есть хвост. А вот к ней повернулся лицом, умудрившись скрутиться чуть ли не в баранку.

– Вы звали, профессор? – Борменталь, как всегда в лабораторном костюме, позевывал. На дворе стояла ночь.

– Надо полагать, дорогой ассистент, что да... Раз уж вы здесь. Все в сборе? Все. Борменталь, подготовьте птенцов. На каждого из этой группы.

Вестница, никак не желающая умирать, тихо дышала на полке. Мыслящая голова, всматриваясь в высокие фигуры, еле заметно приоткрывала клюв.

Самое плохое, что мир мог сделать со своими детьми после Войны, случилось. У каждого по-разному. Для гнездовья ворон, живших у Кумертау, личное горе стало общественным.

Вестница за свою недолгую жизнь вдоволь наглоталась ветра и воздуха. Ее крылья рассекали серые тучи у Оренбурга, рвали сизые туманы у Волги, уносили прочь от огромных сородичей, желавших ею перекусить, повсюду, от Самары до Новой Уфы. И вестница всегда возвращалась.

Беда изменила ее стаю бездумно и походя, лишь задев самым краем своего аспидно-черного плаща. Погибла большая часть ворон, а оставшиеся стали другими. Таких, как она, с двумя головами, мыслящей и рабочей, оказалась половина. Все – самки. Самцы остались сами собой.

Каждое гнездо рождало по три-пять птенцов. Одного ворона и вестниц. И вестницы всегда возвращались к своим сестрам, ведомые внутренним маяком. Благословение и проклятье. Хозяин нашел их быстро. И забрал нескольких, остальные прилетели сами.

Только птичник, только разведка, только полеты с письмами к агентам Хозяина, живущим в разных уголках ближайших областей. Смерть каждой чувствовали остальные. И неслись назад, стараясь добраться к семье, ведомые инстинктом и зародышами чувств. Мыслящие половины вестниц не могли по-другому.

– Проводник, ты отправишься в свою вотчину, в Похвистнево. Бледный и Блэкджек – к Абдулино. Остальные должны ждать у Бавлов... без выкрутасов!

Ваша цель доберется в одну из этих точек. Молодая женщина, сильная, умелая. Евгения Уколова, старший лейтенант СБ коммунистов. Наемник с каким-то странным именем. Девчонка по имени Дарья. И еще один человек, Пуля. Ты, Ласка, его знаешь? Это ведь он поймал тебя у Стерлика и продал Борменталью? Его сложно не узнать. С ним настоящий самородок. Кот-мутант по имени Саблезуб. Он и девчонка нужны мне живыми. Хотя нет, мне нужна только девочка. Если притащите мне кота и лейтенанта, то... премия. Бонус. Профилактическая процедура вне очереди. Поняли?

Стоящие перед ним кивнули. Процедуру каждый получал раз в полгода. И еще одна? Любой из-за нее сделает что угодно. Хозяин усмехнулся, так и оставаясь в тени.

Он гений. Он просто Бог для этих искореженных Войной тел. Век мутанта чаще всего короток. А если помочь ему стать короче, и потом давать им возможность жить за счет обновления организма, и подавать это как благословение... Это могущество. Самое настоящее могущество.

– Идите. Времени в обрез. Неделя, не больше. И запомните, девочку – только живой. Да, она не просто девочка. На всякий случай, Борменталь, выдайте каждому по транквилизатору, а лучше – по три. Вырубите ее и потом занимайтесь остальными.

– Почему? – прогудел Минос.

Хозяин вздохнул. В здоровяке замечательно слились воедино два чудесных качества: сила и послушание. Вот только попутчиком последнего стала тупость. Зачем, почему...

Но стоило ответить. Его могущество стояло на их плечах. Терять бойцов жаль.

– Потому что она, как мне кажется, запросто сможет вскипятить мозг каждому из вас. Даже тем, у кого они отсутствуют. Идите. Надоели.

Дверь закрылась. Котенок, идущий последним, облизнулся. Здесь уже можно жрать. Вестница слабо дернулась, когда зубы прокусили шею рабочей головы. И все.

Преследователи

– Живой...

Живой? Клыч не мог пошевелиться. От поясницы и выше не чувствовал тела. А кто его искал? Голоса незнакомые.

Когда зашуршало и начало тяжело валиться по бокам, понял. Разрывы снарядов чертова танка, вот чего. Завалило землей, не пошевелишься. Плохо, что сказать.

Его подняли на ноги, отряхнули, дали воды. Ну, и по почкам, да пару раз – под дых. Не особо зло, скорее профилактически. Вытащили «маузер», чуть присвистнув. И даже перетянули плечо. Потом, чего уж тут, стянули руки наручниками. За спиной.

Клыч кашлянул, выплевывая сухую, как ни странно, пыль. Скрипеть зубами или выть от боли Антон не собирался. Хрена вам лысого, утырки.

– Вперед. – Ну да, а куда ж еще-то? – Дернешься, сломаю ногу.

А вот не звезды, ломает, жди, как же. На кой же вы меня вытаскивали?

Клыч шел вперед, мимо развороченных попаданиями остатков собственных тачанок, чадивших корпусов лагеря, тел своих людей. И очень хотел знать – как же так вышло, что их тут накрошено немало, но и ушло-то прилично? Себя не обманешь, личный состав Клыч помнил полностью, всех до единого. И наблюдал сейчас едва ли шестьдесят процентов. А еще крайне интересовало: какая гнида его тут бросила?

Левое плечо остро дергало болью. Ну да. Ему ж вынесло кусок мяса пулей, как еще-то? Кровь вроде спеклась. Пальто жалко. Хотя дело наживное. Каблуки простучали по подпрыгивающим доскам пола. Надо же, один корпус уцелел.

– Майор, вот он.

Клыч отвлекся от мыслей, осматриваясь. Первый выжил. Того переговорщика, Второго, прошило очередями. Это Клыч запомнил, даже отлетая после появления новой дырки в собственном организме.

– Посадите его на стул.

Баба. Клыч сел, старательно рассматривая главную личность у крутых ребят. Злость внутри колыхалась, но теперь, наконец-то, персонифицировалась. Вот она, главная причина его текущего положения. Вторая главная причина – это клятый и гребаный башкир с котом. Две главные причины ненависти. Хорошо. Теперь есть ради чего жить.

– Как вас зовут?

Клыч успел рассмотреть повязку у нее на бедре. Оценил лицо, обмундирование, экипировку. Лицо не только с морщинками, ими сейчас никого не удивишь сразу после двадцати. На лице имелись шрамы. Осколочные, один от ножа и даже от пули в упор. Экипировка и обмундирование – клевые, не отнять, пусть ношенные и даже аккуратно залатанные в одном месте. Совсем недавно. Но потертая «цифра» не так говорила об опыте бабы, как ее разгрузка и все имеющиеся ремни. Использует она их немало, не меняет, бережет. Бзик, небось, какой-то.

– Как вас зовут?

Раздражать ее смысла не было.

– Антон Анатольевич Клыч. А вас?

Она смотрела на него, как на вещь. Клыч начал злиться. Это его прерогатива – так смотреть на допрашиваемых.

– Можете обращаться ко мне – майор. Опущу госпожа или товарищ.

Клыч кивнул. Польстило? Польстило.

Баба красивая. Даже что зуба не хватает с одной стороны, не портит. Сивые волосы, пусть и короткие, но зато по-настоящему светлые-светлые. Глаза голубые, с синевой. Полные губы

и подбородок... Клыч даже пошевелил носом от удовольствия, рассматривая ее подбородок. Волевой, крепкий, с ямочкой... весь из себя романтичный.

Она кивнула на «маузер», лежащий в интересной компании с каким-то длинным твердым хлыстом.

– Интересный выбор. Почему такой раритет?

Клыч пожал плечами.

– Он мне нравится.

Майор не прокомментировала. Вообще-то Клыч подозревал, что чаще всего разговоры с пленными у нее строятся по-другому. Уж точно без обмена любезностями и заинтересованностью в предрасположенности к тому или иному оружию. Почему сейчас не так? Леший ее знает. Устала, ранена, да чего там, уважает его как противника. Хотя в это верилось с трудом.

– Что вы делали здесь?

Клыч скривил губы, прикусил нижнюю. Сейчас, после боя, после ранения, после земли, завалившей его, причина казалась совершенно другой, чем в самом начале. Или следствие? Факт – он сам виноват во всем. И отряд полностью гнать не стоило. И с этими драться – тоже. Ненависть к Пуле никак не могла сравниться с жадностью его бывших ребят, увидевших такую возможность поживиться. И он, дурак, сразу не смог взять все под контроль.

– Шли за моим личным врагом. Башкир, звать Пуля. А уж потом появились ваши двое. Сдается мне, майор, что у них тут точка randevu.

– Башкир?

– Натуральный, – Клыч откинулся на спинку стула. Неудобно, но репутация страдает, если сидеть, нагнувшись вперед. Рабски как-то, слабо. – С самой республики. С ним должна была быть девка, оттуда же. Целый старший лейтенант Евгения Уколова. Так на жетоне написали, читал сам.

Майор щелкнула пальцами правой руки, обтянутой лайковой черной кожей. Дорогие перчатки по нынешним временам. В проеме за спиной Клыча тут же скрипнуло.

– Позови Седьмую. Но сперва ко мне Восьмого, прямо сейчас.

Клыч дернул верхней губой, оскаливаясь. Ишь, как оно здесь все. Ни имен, ни фамилий, ни прозвищ. Четко до рвоты.

– Внесем ясность, – майор взяла в руки «маузер», – чтобы разговор дальше строился только конструктивно.

– Майор, – Клыч скрипнул зубами, – если так сильно хочется конструктива, положите мой пистолет... Пожалуйста.

– Даже так? – майор изогнула плавную светлую бровь. – Ваша личная игрушка?

– Моя, – Клыч проследил, как сталь тяжело стукнула об столешницу. – Маленькая невинная причуда. В случае конструктивного решения возникших у вас, майор, вопросов, надеюсь увидеть его у себя. Пусть и незаряженным.

Майор не ответила. Смотрела на него, мерзко улыбаясь своими красивыми губами, молчала. Сзади скрипнуло – тяжело, по-медвежьи. Когда хозяин такой массы остановился за Клычом, тот не услышал. Такое умение внушало уважение.

– Расстегни ему руки, – майор кивнула невидимому «медведю». – И останься с нами.

Наручники щелкнули тут же. Клыч довольно начал растирать запястья. Покосился назад. Ну, что сказать? Против такой меры предосторожности, услышав, как тот двигается, не стоит и пробовать что-то придумывать.

Невысокий. Кубический. Ручищи – что твои ноги. Предплечья – как два у самого Клыча. Оружия немного, явно только нужное. М-да. Охранник, что сказать еще.

– Я немного ранена, – майор улыбнулась. Так ласково и нежно, что скрытые за улыбкой обещания жуткой смерти в случае неподчинения Клыч проглотил легко и свободно. – Поэтому есть потребность в Восьмом. Заходи.

Зашла. Клыч посмотрел на новую личность. Высокую и сухую женщину со стертой семеркой на наплечном защитном щитке. Ладно, опыт не пропьешь, видно – баба. Маски эти...

– Что нашли на берегу?

– Практически ничего. Снег закрыл все следы, – Седьмая говорила глухо, посапывая недавно сломанным носом. – Собаку. На ошейнике написано «Инецца Арманд». Убита каким-то животным.

– Не каким-то, – Клыч вздохнул, – а котом. Его следов не нашли?

– Майор? – Седьмая посмотрела на блондинку. – Ответь.

– Рядом с телом следы есть. Потом обрываются. Но не совсем у берега. Скорее, недалеко от лагеря.

Клыч мотнул головой.

– Моя бедная собачка... хороших тебе костей и живого гуляша в песьем раю. Послушайте... майор. Не знаю, зачем нужен вам в качестве пленного, но подозреваю, что не просто для разговора. Хочу предложить вам помощь. В обмен на помощь с вашей стороны.

– Конструктивный диалог? – майор снова изогнула бровь. – Вы уверены, Клыч, что могу получить вашу помощь только так?

Клыч оскалился.

– Нормальную помощь – только так. А все остальное будет ерундой. Чем ты меня удивишь, военная? Болью? Поверь, не боюсь. Буду орать, буду просить прикончить, но не скажу ничего необходимого. А вот если поможешь догнать Пулю, шлепнуть его, тогда помогу.

– На «ты»? Хорошо. Меня не интересует твой Пуля, – майор постучала пальцами по столу. – Но ход твоих мыслей мне нравится. В округе есть собаки? Охотничьи, что могут идти по следу?

Клыч улыбнулся еще довольнее.

– Как же не быть. Не особо и далеко. Добраться только надо быстрее. Время не ждет.

– Пройдите вдоль берега до наступления темноты, насколько сможете, – майор посмотрела на Седьмую. – Проверьте людей, раненых – в грузовики. Остальных – на броню, если надо. Собрать все боеприпасы, исключить машины с серьезными поломками и взорвать. Выделить группу на «Выдре», с ней я сама отправлюсь с... Клычом за собаками. Назначаешься командиром первого взвода. Командиром второго назначается Шестой, так и передай.

– Майор? – Клыч почесал подбородок с уже выступившей щетиной.

– Что?

– Мне бы моего друга. Без него неуютно.

– Не слишком рано расслабился?

Клыч встретился с ней взглядом. Глаза в глаза. Отступать перед ней он не собирался.

Несколько раз ему попадались в руки старые книги. Нет, книжки. Ничему не научат, но развлекут. Вот там герои, прям постоянно, так и видели в чужих глазах то одно, то другое.

Опасность, расположение, страх, любовь. Ну, кто что, в общем. Клыча это весьма позабавило в свое время. Он даже провел небольшой эксперимент. Вернее, серию. Все пытался рассмотреть оттенки чувств в глазах. Не получилось. Даже когда объект испытания понял, что его поджарят, в самих глазах Клыч ничего не увидел. Ну, вылупились они, выкатившись просто непотребно. Пахло еще не очень, вот и все.

В женщине напротив Клыч не сомневался. Ни в ее способностях, ни в методах. Так что, будь он чуть романтичнее... или глупее, то увидел бы что-то. Монолит уверенности в себе. Холод по отношению к чужой жизни. Сталь несгибаемой верности цели. Все оттенки силы воли в ее небесно-лазурных глазах. Но романтиком он себя не считал. А уж дураком – тем более.

– Не рано, – позволил себе откинуться на спинку и вести себя свободнее, – полагаю, что, во всяком случае, еще немалое количество времени буду нужен как союзник.

– Причина? – а вот голос, в отличие от глаз, отражает куда больше оттенков чувств и прочего. В ее голосе, вместе с сарказмом, Клыч легко уловил недовольство, усталость и желание выпустить ему мозги. Выстрелом из его же собственного оружия.

Стоило задуматься. Жизнь Клыч ценил больше всего.

– Вы ищете девочку и ее спутника. Тех, что приехали на вашем квадроцикле. Так вот, майор, я же знаю, кого искать. Даже и не зная ее в лицо.

– И?

– Не думаю, что появление моего ненаглядного Пули было случайностью. Да еще и в кампании с женщиной из самой Уфы. И их-то я в лицо знаю. Не перепутаю. А уж где они, так там и твоя цель. Не знаю, какая из них именно, но то, что в их компании, даже не сомневаюсь.

Майор подперла подбородок. Уставилась на него своими глазами. Надо полагать, сам Клыч так же недавно посматривал на милашку Уколову, мечтая побыстрее доставить ее к себе на базу. Как кошка смотрит на мышь, зажав ту в углу и облизываясь. Обычно после таких взглядов начинается самое интересное. Раскаленное железо, иглы под ногти, молотком по суставам и прочие очаровательные непотребства.

– Попытаешься бежать – убью. Попытаешься вывести на своих – убью. Попытаешься хитрить – убью. И не просто так. Наклонись ближе, хочу поделиться своими планами.

– На потребу своей, думаю, черной злодейской душе?

Клыч наклонился. Втянул запах этой бабы, такой красивой и такой опасной. Острый запах ее сильного тела, сладкого пота, ввевшейся пороховой гари и солярки. Втянул, жадно вбирая всем носом и понимая, что он бы эту красоту прямо здесь, на столе и...

– У меня с собой два хороших врача. Не просто санитарные инструкторы, а именно врачи, если разбираться. И запас медикаментов. Да таких, что тебе нос будут отрезать, посадив перед зеркалом, а ты будешь травить анекдоты и подсказывать, как лучше кожу подцепить.

– Ты просто очаровательна, – Клыч улыбнулся, – прекрасна и великолепна. Продолжай.

– Я – само совершенство, Антон Анатольевич, это верно. Так вот, – майор провела ему по лицу стеклом, – моей фантазии хватит на то, чтобы накачать тебя этой дрянью и попросить моих умельцев снять с тебя кожу. Целиком, по самые бедра. Завязать узлом вокруг чресел и отправить погулять, так, чтобы ты радовался веселому мотылянию твоего члена. Взад-вперед, взад-вперед, такая милая алая кроха.

– Так это неприлично, честное слово, – Клыч, оскорбившись, фыркнул. И с удовольствием заметил блеск его слюны на ее лице. – Впору после такого застрелиться. Вдруг мне какие-нибудь милые селянки попадутся, а я, понимаешь, не просто нагишом. Я прямо полностью обнажен. Могу предложить параллельно-веселый вариант.

– И какой же?

– Если уж случится тебе, майор, заняться моим уничтожением, сделай одолжение. Подвесь меня на дубу, за ребро. Вдруг обрету знания, неподвластные людям. Как отец Богов.

– Да ты, смотрю, увлекался скандинавской мифологией, ну-ну, – майор вытерла лицо, – так и быть. Я собственноручно вырежу тебе орла. Вскрою спину, сломаю ребра, вытащу их наружу и развешу по ним кишки.

– Восхитительная перспектива... – Клыч отодвинулся. – Мне, конечно, больше импонирует собственный вариант. Но и твой, майор, неплох.

– Я рада пониманию.

– Я тоже. Так за собачками отправимся?

Майор кивнула. И посмотрела на Седьмую, молча ждущую приказаний.

– Отправишь с ним Десятого... Нет, сама. Мне все же надо отдохнуть... И разведку, на «Выдре». Если что, они должны вернуться и привезти его с собой. Просто так убить только в случае невозможности выбраться.

«Маузер» царапнул по столу, когда майор передвинула его к Клычу.

– Я даже дам тебе патроны. Так интереснее.

Инга легла на кровать. Матрас ей нашли, накрыли сверху брезентом, потом спальным мешком. Знобило, если не сказать больше. Медики обещали поставить на ноги за два дня. Два дня...

Разговор с Клычком забрал последние силы. Держалась она только на силе воли и желании задавить этого ублюдка. Человека, своей собственной глупостью помешавшего ей выполнить задание. Она практически успела, но именно, что... практически.

Снайпер, когда ее привели после боя к Инге, не смогла объяснить причину первого выстрела. Но наказали ее до странного легко. Отправили копать могилу павшим. Разбрасываться бойцами нельзя, их и так мало. А еще Войновская прекрасно помнила слова Мастера про эту дрянь, ту девку, снова удравшую от нее. Опять... проскользнула сквозь пальцы.

Могла та заставить выстрелить испытанного воина, ее, Инги, бойца? Месяц назад она бы в такое не поверила. И неделю назад могла бы не поверить. Но несколько дней назад в ее голову забрался Мастер. И теперь Инга уже сомневалась в дикости такого предположения. Раз Мастер, так желавший получить Дашу Дармову, смог говорить с ней на расстоянии... То почему тогда девчонка не могла бы заставить выстрелить в самый неподходящий момент?

Войновская смотрела в потолок, проваливаясь в сон. Не время спать, надо так много сделать... но сволочь-медик вколол не только лекарство. Сказал, что сон ей просто необходим. Глаза закрывались, как ни старалась бороться со сном. Мысли крутились вокруг поиска, потихоньку засоряясь какой-то ерундой. Но она все же пыталась выстроить в голове какую-то правильную схему, что-то важное, ускользающее из сознания.

Собаки след возьмут, только если повезет. Бродяга, оставивший ее с носом в Кротовке и Отрадном, не глуп. И те, кто пришел из Уфы, – точно такие же. Дураки не смогут пройти полтысячи километров на везении. А заматать следы сейчас умеют все вольные бродяги. Пусть кто-то лучше, а кто-то – наоборот. Хотелось верить, что беглецы как раз относились к тем, кто наоборот.

Кто из ее людей умеет находить крохотные запутанные указания, помогающие искать необходимое? Да, Десятый умеет. И все. Могли помочь Илья Серый, Шатун... но их-то уже нет. Квадроцикл, вывезший из Отрадного беглянку и этого бродягу, Морхольда, забрали с собой как раз эти предатели, Шатун и Илья. Сволочи... скоты.

Войновская, проваливаясь в сон, скрипела зубами от злости. Не стоило брать этих двоих. Не надо было. На чьей стороне играли двое, решившие взять девчонку самостоятельно? Кто стоит за ними? Кто-кто... совет Ордена. Или кто-то еще?! И раз оба предателя хотели удрать, то где-то неподалеку их ждали. Вряд ли Серый рассчитывал успеть добраться до Бузулука практически в одиночку.

Инга заворчала, закутываясь с головой. Холод сменился жаром, сон охватывал горячими липкими лапами. Мысли сбивались, хотелось уйти от них, зарыться в подушку, уже мокрую насквозь, и перевернуть ее перед этим. Вот только сил не осталось.

Заглянувшая внутрь Седьмая приподняла ее голову, подложив свернутую куртку. Другой подушки здесь не было. А майора ей было жаль.

Седьмая, приготовившая «Выдру» Десятого, вышла наружу. Оглядела своих братьев и сестер, собирающихся в путь. И отправила Тридцатку считать боеприпасы. А сама, наплевав на ноющую сквозную дырку в ноге, полезла на броню. Долг есть долг. И ее честь – в верности ему.

– Собаки брешут?

– Козы, – буркнул нахохлившийся Клыч. – И пороси. Или порося?

Седьмая покосилась на него, но ничего не сказала. А что тут скажешь?

Группа стояла под несколькими дубами, вылезавшими наперед остальной рощицы. Если недавно валил первый снег, то сейчас с неба хлестал дождь. Сплошной стеной, закрывая половину мира вокруг.

Там, где побрехивали, виднелась крохотная деревенька. Или даже черт пойми что. Начали строить перед Бедой поселок, построили три дома. Потом уже сами новые хозяева что-то примастрячивали, возводили и все такое. Как раз здесь и жил такой нужный сейчас человек. Олег Григорич, старый пес, охотник, браконьер в прошлом и хозяин лесов – в настоящем. Что было важнее этого всего: владелец своры из трех легавых. Хороших, пусть и не породистых, сук. Кобеля Григорич искал уже года три, как помер старый.

– Надо брать его тепленьким. Только оно не получится, – Клыч вздохнул. – Он собак слушает, ровно заяц какой-то. Седьмая?

– Что?

Клыч показал рукой в сторону небольшого отростка рощицы, сплошь из лещины и маленьких кленов.

– Вон туда надо отправить пару человек. На всякий случай.

Седьмая покосилась на него. Ой, что ты, что ты. Ее-то мысли Клыч сейчас мог практически читать. Чего там интересного? Думает, прикидывает, не имеющийся член к носу подводит. В группе шесть человек. Отправишь двоих, останутся четверо. И это – с механиком. А кто там, в домиках, и сколько? Это вопрос.

– Милая военная... – Клыч вздохнул, – Если вы не против, то приведу пару моментов в защиту моей версии развития дальнейших событий. Чтобы развеять ваши сомнения – как по поводу правильности моих указаний, так и по поводу ваших опасений насчет меня лично. Вы не против?

– Удиви меня, – фыркнула Седьмая, продолжая сопеть через мокрую ткань маски.

– Хм... – Клыч чуть опустил вниз ветку, закрывающую обзор. Капли посыпались вниз тонкой россыпью разлетающихся жемчужин. – Попробую. Вон там, в нескольких домишках, проживает три семьи. Две из них, Музалихина и Плешака, нам неинтересны. А вот третья, что в доме с зеленой крышей, хотя ее не видно, – нужная нам. Там живет Олег Григорич, мерзопакостный старикашка, чующий добычу получше своей своры. Но вот какое дело, милая военная...

Клыч прищурился, разглядывая потухшие огоньки в окнах.

– Так вот, милая военная...

– Я не милая.

– Откуда ты знаешь?

– Ты меня не видел без маски.

– Тем более. Может, обожаю сорвиголов с перебитым носом и грудью нулевого размера? Эй-эй, не надо так сопеть, мне и без того страшно от одного вашего присутствия. И я не пошутил. Разве можно таким шутить по отношению к женщине? Рассказывать дальше?

– Да. Восьмой, убери ствол от его башки. Он нужен майору. Мели, Емеля, твоя неделя.

– В хозяйстве Олега Григорича имеется большое количество огнестрельных прибулд для забоя как животных, так и людей. Обожает он их, что тут поделаешь? Да и полезно по нынешним меркам иметь дома арсенал. С боеприпасами у него тоже все в порядке. Торгует, гнида, с кем только может, поставяет дичь, птицу и меха со шкурами кому надо. Мне платил, и это самое важное. Вот только попасть к нему за просто так не выйдет. Придется идти мне одному, так как вход в свою фортецию он обустроил капитально, даже с пукалки вашего бронехода так просто не возьмешь. Да и зачем нам фарш вместо Григорича, верно? Но!

Клыч поднял руку, затыкая Седьмую. Да-да, так и надо. Майор майором, но против вожака переть тяжело. Даже если вожак – из чужой стаи, подранный, со сломанными клыками

и в окружении целой своры молодняка, готового его разодрать. Хрен вам, военные, просто так не сожрете.

– Но, повторюсь, милая военная, есть именно но. Григорич жуть как дорожит своими дочками-внучками. Тяжелая судьба у человека, семь баб под одной его хлебосольной крышей. И всего один зять, остальных его террариум схавал и не подавился. Да-да, сбежали мужики. Даже сейчас такое случается.

– У него ход к той рощице? – Седьмая понимающе кивнула.

– Ага. Подозреваю, что так и есть. Практически уверен. Так вот, военные. Вы со мной подъедете, но внутрь не пойдете. А сбегать мне не с руки. У меня к парнишке, за которым вы гонитесь, должок. А с вами, сдается мне, поймать его выйдет куда проще.

Седьмая почесала щеку через маску. Снова кивнула. И что в ней нашла эта самая майор? Знай себе, как корова, башкой мотает и мотает. Клыч про себя даже огорчился. Ну, не любил он просто исполнителей. Никакой инициативы, никакой красоты в работе. Что за люди?

– Ну и хорошо. Поехали, чего сиськи мять? Тьфу ты, военная, не обижайся. А имена у вас есть?

– Для тебя – нет. Есть номера. Когда кто-то погибает, номер по уменьшению переходит к следующему бойцу.

– А ты до драки какая была?

– Седьмая. Пересчет производится на... Закрой рот.

«Выдра» дернулась вперед, мягко и устойчиво. Нравился Клычу этот аппарат. Ему бы пару-тройку таких, ох, и развернулся бы... Только «бы» мешает.

Движок у броневика оказался хоть куда. Когда машина лихо подкатила к домишкам, Клыч прекрасно слышал лай, поднявшийся за заборами. Пара поездок на найденной и восстановленной технике запомнились жутким ревом пополам с треском. А тут на те, вот, фырчит, пару раз кашлянуло – и все. Чух-чух – и никаких гвоздей.

Вот ведь... ему для своей банды как только порох со свинцом искать не приходилось. Даже сами делали, было дело, порох-то... пока не взлетел сарай с обоими мастерами. А эти? Арсенал на каждом, машина как новая... несправедливость вселенская, одно слово. Григорич, пес старый, за магазин «пятерки» удавится, как увидит, что заводские патроны... М-да.

Остановились поодаль, спрятавшись за дождем и несколькими неубранными копами. Клыч прыгнул, чуть не оскользнувшись на совершенно сырой соломе. Выпрямился и потопал вперед. Ничего, все еще будет, он не гордый, когда надо. Постучал, бухая кулаком в сталь двери, утопленной в кирпичи.

– Кого там несет? – голос у хозяина благообразием не отличался, порой срываясь «петухом». – Картечью в хавальник не хочется?

– Ты б, Григорич, хотя бы изредка с людьми разговаривал бы ласково, а? – Клыч хохотнул. – Открывай, пень старый. А то сам открою.

– Ох, ты ж, кто к нам пожаловал, – открывать Григорич явно не торопился, – это у меня слуховая галлюцинация иль выжил, Антон Анатолич?

– Ага... – Клыч сплюнул, зверея. – Кто у тебя был из моих?

– Ну, Антон Анатолич, ты уж не обижайся... – лязгнув глазок, темнея глубиной, – но они себя твоими уже не считают. И я их понимаю, понимаю... ты-то, говорили ребятки, только подошвами и сверкнул, когда тебя кто-то из снайперки приголубил. Жалко, что снайперка оказалась не больно калиберной.

– Ты, старче, ничего не перепутал? – Клыч скрипнул зубами. – Ты с кем разговариваешь сейчас, колода ты трухлявая?

– Да не таракти, Антон Анатолич, – хохотнул хозяин, – не с руки тебе.

Клыч выдохнул, пожав плечами. Жизнь дураков ничему не учит. Приходишь по-хорошему, а получаешь кило дерьма. Ну-ну.

– Ты б открыл, поговорить надо.

– Ты б шел себе мимо, пока и впрямь не пальнул. Все, батька Сатана, откомандовался. И слава богу, а то достал хуже горькой редьки. Иди отсюда, говорю.

Клыч выпрямил руку, судорожно скрипнул скрюченными пальцами по неровной стали двери. Помотал головой, отошел. Недалеко, так, чтобы точно не задело. И крикнул, надеясь, что его услышат:

– Военная! Снесите ему к долбаной матери трубу!

Услышали. Клыч заставил себя стоять, не кланяться, не прижиматься к земле, держать марку. Грохнуло так, что небо, того гляди, разорвется. Засвистело, завизжало огненными стремительными каплями, протянувшись к дому охамевшего Григорича. Что там трубу... крышу снесло где-то наполовину. Через треск и вой снарядов еле-еле пробился крик хозяина.

– Не нада-а-а-а! Хва-а-а-т-и-и-и-т!!!

Стрелок «Выдры» явно понимал, что кровля, пусть и крепкая, листовая, долго не выдержит. Грохот и вой прекратились. Клыч, довольный оскалившись, полюбовался результатом. Результат ему понравился даже больше, чем ужас в голосе Григорича. Но, увидев хозяина, уже открывавшего дверь, Клыч порадовался еще больше.

– Обосрался, сукин кот?

Григорич сопел, мотая плешивой головой. Клыч, заложив руки в карманы выданной старенькой шинели, величаво прошествовал внутрь. Не преминув по дороге приложить засранцу в голень. Стоило, стоило, что и говорить.

Под ногами чавкало грязью и собачьей кашей. Видать, кто-то из семейных Григорича как раз нес поесть собачкам, решив, что Клыч и впрямь не страшен. Да что там, просто так себе стал Антон Клыч. Как оказалось – зря.

Григорич, бочком отступая куда-то в сторону пристроя-амбара, замер. Причин оказалось две. Его собственный «бекас», подобранный Клычом. И Седьмая, появившаяся в открытой двери. Которая напугала больше – кто ж знает? При взгляде на Седьмую и ее форменную упаковку Клычу, например, хотелось иметь под рукой ПК с полной коробкой.

– Возникли проблемы?

Клыч кивнул. Седьмая хмыкнула под маской:

– Король умер и все такое? Да не обижайся, я тоже шучу. Такое бывает.

Он согласился. Показал на клетки, где бесновались собаки, пришедшие в себя.

– То, что нужно? – Седьмая ухватила хозяина за воротник ватной кацавейки. – А, ясно. Переоденься, помойся и заходи в дом. Эй, баба!

Одна из дочерей Григорича, выглянувшая во двор, замерла.

– Иди сюда.

Та просеменила, косясь на Клыча. Он-то и остановил ее стволом дробовика.

– Григорич, ты же понимаешь, что у меня хватит совести сотворить с этой милой мотрей все, что заблагорассудится? Вот молодец, понимаешь все правильно. А ты, красавица, моли бога, чтобы твой папаша не удрал. Удерет, я лично устрою тебе сеанс романтики с применением черенка вон той лопаты, а потом, если позволит время, порежу на ремни. Верите, уважаемые хозяева?

Хозяева явно верили. Верили так, что их зубы выстукивали ритм, напомнивший какую-то затейливую чечетку, пару раз слышанную Клычом. Точно, милая девчушка, как ее... а и ладно. Циркачи Шимуна, заезжая в его волость, пользовались музыкальными инструментами. Девчушка даже танцевала какой-то затейливый танец, отстукивая ритмичные дробы каблуками. Да-да, ирландский, что ли... Вот и сейчас пара отвисших было челюстей на пару выдавали что-то такое, задорное и веселое.

– Быстрее, Григорич, и оденься потеплее. И не забудь болотные сапоги. Будешь у меня лягушек по Кинелю гонять.

Войновская приходила в себя. Именно так и заявил врач, появившись вместо нее. Седьмая не удивилась, заставив удивиться Клыча. Военные, видать, любили свою бой-бабу. Эвон, прямо переживают за нее. Даже немного завидно, если уж честно.

Григорич, явно беспокоясь за себя, все ж таки перестал переживать. Хотя и косился в сторону Клыча с нескрываемым страхом. Порядок военных делал свое дело, заставлял считать их не такими плохишами, как люди Клыча. Ну-ну. Развеивать мечты старого пердуна Клыч не собирался. Тем более, хозяйственный Григорич уже чего-то суетился, сыпал шутками-прибаутками, так и втираясь в доверие.

Чертов куркуль за неполные десять минут, требуемых для сбора дополнительной партии солдат и проверки второго броневика, успел достаточно. Поменял кусок домашнего сала на две банки сгущенки, явно долгого хранения, и зажигалку из патрона. Рассказал пару древних, аки навоз мамонта, анекдотов повару, разжившись остатками каши и кружкой чая. И начал присматриваться к одному из снайперов, явно размышляя на тему «как бы спроворить патронов и на что». Тут-то и появилась Седьмая, нацеленная на результат и все такое.

– Отставить! – рявкнула «плоскодонка». – Кухне – два наряда вне очереди. Восьмой, выпиши деду леща!

Клыч хохотнул, услышав сочную затрещину. И захохотал пуще, услышав дальнейшее и глядя на скисшую рожу собаководы.

– Выдвигаемся к реке. Ты идешь с нами по следу. Сколько? Столько, сколько надо. Клыч?

– Да, милая военная.

– Есть что-то для следа, кроме имеющегося у нас?

Клыч улыбнулся. Стоявший рядом с ним боец ощутимо вздрогнул. Ну да, особенности некоторых из своих улыбок Клыч знал превосходно. От этой ему и самому порой становилось не по себе.

– Не-а...

Жетон длинноножки Уколовой у него имелся. Этакую штучку выбрасывать никак не хотелось. Жаль, что упустил ее саму. Но отдавать его Клыч не спешил. Искать с собаками куда лучше, когда те начнут искать кота. А вот кусок его шубы военные нашли сами. Так что охота начинается.

«Выдры», заворчав, дрогнули вперед. Раскисшая после снегопада земля чавкала, разлетаясь в стороны. Ну не дурные ли военные, подумалось Клычу. Куда они собрались на своих рыдванах? Но военные оказались не пальцем деланными. И как организовывать поиски, вполне даже понимали.

Выкатившись за пределы лагеря, машины встали. Механики не глушили движки, чуть слышно порывкивавшие, ждали указаний. Небо хмурилось, еле заметное в сумерках, грозило еще раз плюнуть снегом. Клыч зябко ежился в шинельке. Когда придет время заплатить военным все долги, он рассчитается за утерянное пальто с Седьмой. Лично с ней. Чем-то она его все-таки зацепила. Да-да.

Григорич, подгоняемый мрачно следовавшей за ним военной, старался. Начав от того самого места, где нашли бедную издохшую Инессу самого Клыча. Старались и его шавки, преданно уткнувшись носами прямо в землю. Вообще, в саму эту затею верилось слабо. Сутки прошли. Какие следы? Но собаки следы нашли. Самая старая сука взяла запах кота, замерев в стойке. Вытянулась в струнку, всем видом показывая – вот, зырьте, какая я молодец. Тоже мне, блохастый следопыт. Клыч сплюнул.

Рассыпавшись цепью, тихо и стараясь не хрустеть смерзающимися к вечеру листьями и ветками, бойцы шли вперед. Петляли между деревьев, то приближаясь к реке, то снова удаляясь. Как ни странно, но первым на лежку наткнулся именно один из них, а не Григорич. Клыч, опираясь на сломанную ветку, ругаясь и оскальзываясь, добрался одним из последних.

– Ну, и что вы тут встали в кружок, прям как пионеры, слушающие про Ленина? А, да, о чем это я, какой Ленин?

Он нагнулся, рассматривая подсвеченное фонарями убежище под наполовину вывороченным деревом.

– Кострище, – Григорич повозился в золе, – рыбу жарили.

– Кто жарил?

– Мужик хромой жарил.

– Мужик нас не интересуется, – Седьмая дернула шеей, – нам нужна девочка.

– А я что могу? – засопел Григорич. – Вот след, вот. Мужик, большой, даже тяжелый, такой кабан, блин. Кота он сюда волоком притащил. Палку себе сломал, рыбу ловил. Потом пошел...

– Куда пошел? – Седьмая явно злилась.

– Дальше пошел, вон туда. И кот уже сам с ним шел.

– Это не Азамат, – задумчиво почесал щетинистый подбородок Клыч. – Это второй. Тот, что приехал на квадрике.

– А где девушка? – Седьмая цыкнула слюной через прорезь маски. – А?

– Он пошел по берегу, – Клыч прошелся вперед, рассматривая холодно поблескивающую и непроницаемо-черную полосу лениво бегущего Кинеля. – Так?

– Да, – Григорич сморкнулся, – попер он вдоль берега.

– А Азамат пришел сюда по воде, – Клыч усмехнулся. – Приплыл, вернее. Так что нам с вами, дамы и господа, по реке вверх.

– Куда вверх?

– Ну, минимум до Подбельска, – Клыч приложил руку к глазам, всматриваясь. – Хотя вот в этом я уже не уверен.

– Ни хрена себе... – Григорич потер лицо. – Это ж...

– Оно самое. Вернее, она. «Арго», яхта гребаного Зуича.

Ветер выл, заново набирая силу на ночь. И дул навстречу судну, уверенно идущему посередине реки. Идущему слепо, порой рыская в стороны. Ветер натягивал остатки такелажа, висевшие на мачте и кранцах лохмотьями.

– Как такое возможно? – Седьмая хлипнула подживающим носом. – Двигатель же не работает.

– Это, моя милая военная, не иначе как чудо. Можно мне бинокль? Пока еще выйдет что-то рассмотреть.

Клыч всмотрелся в «Арго». Картина оказалась ясной. Дагон и его дети все же настигли Зуича, видать, за что-то по-свойски отплатив. Или, кто знает, просто водные мутанты решили потешиться, укокошив самого важного водника. Все возможно.

– Плыви-плыви, сраный ты капитан Грант... – Клыч опустил бинокль. – Даже после смерти не смог расстаться с главной страстью всей своей идиотской жизни. Слышь, Григорич?

– А?

– Капитан у руля. Дохлый, правда. И больше никого.

– Плохие дела, – Седьмая снова нервно дернула шеей. – Но проверим вариант с берегом.

– Какая ты неумная, милая военная, – хмыкнул Клыч, – но эта черта мне в тебе тоже нравится.

– Попросить Восьмого выписать тебе лекаря?

– Попроси...

Первый из нескольких моментов настал. Клыч был к нему готов. Ну, придется сейчас выплюнуть пару зубов и потом отхаркивать кровь. Как будто в первый раз, что ли? С Восьмым справиться у него вряд ли выйдет. Бой-то будет честным, без ножей и огнестрела.

– Восьмой!

– Да?

– Если он еще раз назовет меня милой военной, выпиши ему леща.

Клыч моргнул, понимая то, что до Седьмой не дошло. Он одержал еще одну победу. И это хорошо. Мало ли, как оно обернется?

Дисциплина в отряде майора не просто на высоте. Она, как говорится, железная. Каждый из отряда, тут Клыч присматривался долго, верен долгу и чести. Черт его знает, как они у себя такого добиваются, но вот он, результат. Стоит вокруг, количеством в двенадцать вооруженных индивидуумов. Никаких вопросов на тему – а на кой ляд нам оно надо, сержант Седьмая? Не, сказано искать девочку до опупения, вот и ищут.

Но что-то подсказывало, что на этом пути всякое может случиться. Вон как взвилась Седьмая, увидев натуральный обмен Григорича. Было такое раньше? Видать, не случилось. И это тоже хорошо.

Клычу даже захотелось облизнуться, точь-в-точь как облизывался один раз виденный кот чертова башкира. Только не для того, чтобы умыть шерстяную рожу. А от удовольствия и предвкушения возможностей. Лучше бы майор приказала его, Клыча, расстрелять. Ошибка майора Войновской именно в этом. Потому что он, Антон Анатольевич Клыч, – яд.

Яд, действующий тихо и незаметно. Яд, что расплзется внутри ее отряда, разлагая его и превращая из монолитного организма в сборище дипломированных убийц, желающих воли. Да-да, так и будет. Хотя и не сейчас. Всею свое время. Месть подадут в холодном виде.

– Это...

Григорич возник сбоку.

– Чего?

– Так, ну, того... эти-то!

Клыч цыкнул, вытер краешек рта и вздохнул. Что ж такое, а? Вот недавно, когда Григорич его не боялся, говорил же нормально? Не нукал, мысли излагал логично и верно, а сейчас... Тьфу! Боятся? Боятся.

– Ну?!

– По воде им хода нету. Дагон с детишками всех ужокошит, раз Зуича даже убил. И выходит, что... Через Черкасы ж они поперлись.

– И?

Григорич пожал плечами и, шельмец, развел руками.

– Каждый же знает, что ходить туда нельзя.

Клыч отмахнулся. Снова-здорово, сколько раз уж сказки слышал.

– Верно говорю, Антон Анатольевич. Неделю уже туда ходу нет. Ждут все, боятся. Там смерть.

Глава 1

Сквозь дождь к темной воде

Самарская обл., с. Кинель-Черкассы

(координаты: 53°27'00" с. ш., 51°26'00" в. д., 2033 год от РХ)

– Привал, – Пуля огляделся, – старлей, ты карауль. Я – по дрова.

Моросило. Взгорок, приютивший троих беглецов, пробирало сыростью. До самых, как говорится, печенок. Позади лежал небольшой кусок степи, буро-желтой, прячущейся за постоянно меняющейся стеной начинавшегося дождя. И лес у реки, почти на самой кромке окоема.

Уколова, сбросив серый мокрый рюкзак, присела на него. Положила на колени 74-й, всмотрелась в пустошь, оставленную позади. Даша, заметно качнувшись, практически упала на задницу.

– Сядь нормально, – буркнул остановившийся Пуля, – отстегни палатку, подложи и только потом вались с ног. Заболеть не хватало.

Сталкер повернулся и пошел к небольшой рощице. Тешил себя надеждой найти хотя бы немного сушняка в ее глубине. Пользоваться парафином из бутылки, подаренной Лесником, не хотелось. Чадить и дымить от него ветки станут – будь здоров.

На душе скребли кошки. Вернее, один немалых размеров кот. Здоровенный котище, серый в полоску, с зубами длиной в человеческий палец. Друг, брошенный на берегу реки, друг, преданный им ради вот этой девчонки, еле осилившей не самый длинный переход. Девчонки, ставшей половиной причины потери Саблезуба. Про Леночку, Мишкину дочку, оставшуюся в Новой Уфе заложницей, вспоминалось не меньше. Пуля молчал, порой костерил себя и старался остаться в одиночестве. Стыд жрал изнутри. Дорога и ее нужные дела чуть отвлекали.

Пуля залез в самую гущу деревьев, стараясь поменьше их задевать. С них не капало, с них лило. Прорезиненный капюшон куртки не промок, само собой, но вот плечи... И так уже второй день подряд. Льет, моросит, капает, а то и хлещет градом. Осень превратилась в совершенно мерзкую, сварливую и вредную мегеру. Хорошо хоть, снега с морозом пока не случилось.

Он остановился, пройдя метра три. Хотя перед этим и обошел рощицу кругом, высматривая следы, но мало ли? Опасаться людей с оружием не стоило, давно бы напали. Звери... звери – те да. Хотя и торчали на взгорке сплошь клены, осины и пара-тройка молоденьких липок, но кабанов Пуля опасался. Дубы по пути встречались, и частенько дерн вокруг них оказывался полностью вспаханным. И встретиться нос к носу с такими великанами, какие бродили в округе, ему совершенно не хотелось.

Чуть не по грудь человеку – в холке, с жесткой темной шкурой, с торчавшей по хребту острой черной щетиной. Чудовища, каждое – под двенадцать пудов весом, да с толстенной кожей и слоем жира под ней. С сильными мышцами и крепкими толстыми костями. Всеядные злобные живые танки, ненавидящие все и всех вокруг.

Пуля вслушался в шелест деревьев и дождя. Нюхать воздух бесполезно, дождь, листва и прель перебьют все. Даже изрядно воняющее стадо. Чаще всего сдавали кабанов поросята, непоседливые пугливые полосатые бестии. Из-за них Пуле пару раз за несколько лет приходилось прыгать на любое дерево, росшее рядом. Лишь бы потолще и повыше. Отстреливаться от взбешенных маток и секачей в одиночку... ну его.

Но нет, вроде бы тихо и спокойно. Он сунулся под поникшие черные ветви. Зима близко... не за горами, листва почти вся сброшена. Редкие наглые деревца еще хвастали остатками желто-серой кроны, но таких оставалось всего ничего. Под ногами влажно хлопала их

сброшенные и уже перегнивающие родственники, жирно-грязные, чавкающие водой. Пуля старательно искал нужное, пару-тройку старых и сухих внутри деревьев, упавших и ждущих своего часа для костра.

Заканчивался второй день после боя у реки. Для них новый мир начался с того самого момента, как переночевали у странного мужчины с именем-прозвищем Лесник. Часто молчавшего, говорившего весомо и коротко, только наверняка. Снарядившего их, не задававшего никаких вопросов и только о чем-то шушукавшегося с Дашей.

Пуля отыскал первую из ожидаемых находок. Поваленную серо-черную осину, толстую, с его бедро, никак не уже. Топорик Лесник дал хороший, удобный. С рукоятью, обтянутой кожаным шнуром, с удобным чехлом-подсумком на пояс, легкий, прочный, настоящий охотничий. Таким – что дерево кромсать, что зверя рубить. Да и человека тоже. Пуля, отойдя от гостеприимного дома, опробовал на швырок.

Он улыбнулся, вспомнив разом округлившиеся глаза обеих его женщин – и совсем молодой, и постарше. Хотя, казалось бы, Уколова должна и привыкнуть... Но вот так.

Сталь кромсала сырую вязкую кору и тяжелую сердцевину. Ну, вот оно, такое нужное... сухое внутри дерево. Потом-то займется и остальное, само собой. Пуля отцепил от пояса пристегнутую плащ-палатку, аккуратно разложил и постарался плотнее набить белой сердцевиной такой доброй к людям осины.

А просто валежника он наберет и у поляны. Там его в достатке.

Позади, вязко и глухо, треснуло что-то сырое. Пуля, нагнувшийся за последней порцией сушняка, не стал ждать. Грязь не кровь, смыть легко.

Он упал вбок, легко и неожиданно. Вовсе не так, как чаще всего ожидают нападающие. Если те – люди, конечно. К ещё одному бревнышку, блестящему мокрой корой, туда, где нормальный человек поостережется ломать кости. Упал, очень надеясь на человека за спиной.

Рука потянула обрез. Перед тем как от «Арго» и двух погибших друзей ничего не осталось, шкипер подарил Пуле большую набедренную кобуру. Под укороченную вертикальную двустволку. Сказочный подарок. И ремень-патронташ, не пустой.

Патроны Зуич снаряжал сам. Отлитой из смеси свинца и серебра картечью. И пулями с проволокой между ними. Универсальные небольшие снаряды-боло. Секущие плоть и кости в масло с тухлой и фаршем. Курки, смазанные перед выходом, практически не щелкали.

Пуля, поворачиваясь уже в прыжке, промедлил ровно секунду. Чтобы успеть увидеть – в кого стрелять. И, ударившись плечом об бревнышко, только выдохнул.

Сидя и потешно покачивая головой, на него смотрел самый настоящий тетерев. Натурально... тетерев. Ни капли не изменившийся, если Пуля правильно помнил увиденную картинку. Еще в детдоме. Ну да, даже красные треугольнички над глазами. Красивый... И очень даже упитанный.

Пуля выбрал заряженный боло ствол. Грохнуло, свистнуло. Порох у Зуича оказался самодельным и дымным. Очень дымным. Когда сизая пелена рассеялась, Пуля усмехнулся.

Обезглавленная тушка валялась неподалеку. Вот вам и обед, осталось только ощипать, опалить и запечь. Пришлось тащить палатку не совсем полной. Зато девушки порадовались.

Костерок трещал, спрятанный под низкими кронами двух кленов-подростков. Пуля решил все-таки укрыться, как выйдет, от мороси. Хотя дождь превращался в настоящий, перемешивался с градом и крохотными льдинками.

Они растянули одну палатку между стволами, сели, прижавшись спинами друг к другу. Тетерева Пуля готовил сам. Сломал две хороших рогульки, воткнул над костерком, протащил через птицу шомпол уколовского семьдесят четвертого и знай себе поворачивал с боку на бок. Пахло обалденно.

Даша, вытянув ноги, смотрела на оставленную за спиной прогалину, уже затянутую почти полностью серой хмарью. Ловила носом сочный запах жарившейся птицы и молчала. Девушка беспокоила Пулю куда больше, чем Уколова. Со старлеем все ясно. Той надо дать отдохнуть серьезнее, если получится, – и все. Готова дальше выполнять задание партии и командира. Хотя задумчивости в ее глазах, такой частой и повторяющейся, он раньше не наблюдал.

Что-то надломилось внутри нестигаемой красной девы-воительницы, что-то очень важное. И чего ожидать... пока неясно. Хотя кое-что ему нравилось.

Уколова снова стала собой. Той, что хрен согнешь. Той, что не отступится. Такой она Пуле нравилась. Хороший товарищ.

– Как мы идем, каким... путем? – Даша подняла голову. Их обоих она еще чуралась, да заметно.

Пуля этому не удивлялся. Время сейчас плохое, да, но люди остаются людьми. К чужим привыкают не сразу. А у нее, сироты, кто стал своим? Тот бродяга, сгинувший на берегу. Может, хороший человек. Зря она по нему так переживает, что ли?

– Двинемся вдоль трассы и железки, – Пуля перевернул тетерева, – по реке идти опасно. После нападения на «Арго» нас могут искать.

– Кто? Те твари?

Он кивнул. Дети Дагона вряд ли отцепятся от них раньше, чем река останется позади. Да и идти к водникам с вестью о смерти Зуича... Свою голову и жизнь Пуля любил. Мало ли, что там выйдет.

А еще и гнавшиеся за Дашей от Кинеля. Вот беда на их головы. Заметил Пуля немного, но понял – до конца пойдут. Сам таким же был, служа в Осназе. Приказ выполни любой ценой, умри, но сделай.

– Мы проплывали Черкассы, – Уколова посмотрела на Пулю, – в ОЗК и противобазах.

– Да. Там, Зуич сказал, что-то непонятное. Может, опасно. Попробуем обойти стороной.

– И куда?

– Нам надо добраться до Бугуруслана.

– В прошлый раз мы через него не шли.

Пуля вздохнул.

– Золотого там не любят. Мы шли с его людьми. Обогнули, чтобы к реке сразу. А сейчас... Нам надо добраться до дома. И быстрее.

– Из-за тех...

Уколова кивнула на Дашу. Та снова смотрела перед собой, на этот раз в костер. Даша рассказала про мысленный разговор с каким-то Мастером. Пуля и Уколова оценили его, как и следовало. Поверили. Пуля – сразу, а Уколовой хватило немного времени, чтобы осознать: Даша сказала правду. А уж увиденное за время, проведенное с Пулей, только помогло принять сказанное.

– Здесь оставаться на ночь нельзя. – Пуля ткнул ножом в тетерева, снял хрусткую кожицу и подцепил мясо. – Рядом пойма, озерки. Надо идти дальше, искать стены и крышу.

Он протянул жареху Даше. Та взяла, медленно начала жевать. Уже так знакомо за два прошедших дня снова ушла в себя. Ну, не перекосилась, значит, хотя бы вкусно. Пуля убрал нож, взялся за шомпол. Обжечься не боялся, Лесник дал на прощание толстые кожаные митенки, перчатки с обрезанными пальцами и металлическими накладками по костяшкам. Вот ладонями и подцепил.

Успел уловить сузившиеся зрачки старлея и, не имея в руках ничего, кроме тетерева, развернулся. Звуков из-за спины не доносилось, не прорывалось через ровный шелест дождя. Это плохо. Значит, там не люди.

Оружие из тетерева, само собой, так себе, убить не убьешь. Но, опять же, смотря как применить. Особенно если птица только-только с костра, да так и пышет жаром, шипит вытоплен-

ным жирком, брызгающим в стороны тягучими огненными каплями. Приложить ей по лицу, по морде, да хоть по морде лица, и...

Мутантов было два. Невысокие, молодые, это Пуля мог заметить и сам, по серой пупырчатой коже. Старшие, виденные им, переливались изумрудной зеленью. А совсем уж ветераны, немногие Дети Дагона, доживающие до человеческих двадцати лет, отливали благородной бронзовой патиной.

Этим достало умения, подаренного природой и батюшкой, подкрасться незаметно. Ну, и серая стылая мгла, киселем расплзшаяся кругом, помогла. Заметить в ней полутораметровых ихтиандров – дело непростое.

Тетерев, жирно чавкнув, впелся в лицо первого, вытянутое, острое, с выпуклыми рыбьими глазами. Раскаленная тушка, пшикнув под хлещущими каплями, разом прилипла к коже. Жаболоуд не успел даже выставить длинные сильные руки-лапы с солидными крючками на концах пальцев.

Его напарника Пуля встретил связкой из нескольких ударов. Шум поднимать не стоило, разведка идет впереди, основные силы – за ней. Зачем давать возможность найти себя раньше?

Главный плюс детей Дагона для него, Пули, – их размеры. Именно вот этих, взятых, как говорили водники, года три назад. Сейчас мальчишкам лет по тринадцать, не больше. Мальчишкам...

Обманку правой в голову, левой – в горло, третьими фалангами, вбивая кадык внутрь, и правой – в грудь. Костный скелет у них менялся, становился мягче. Удар ломал ребра и вбивал их обломки в сердце и легкие. Никакого лишнего шума, никакого вырвавшегося звука и никакой жалости. Три года назад их украли, купили, выменяли, оставили в жертву. Теперь они – дети Дагона и должны умереть ради жизни людей.

На связку ушло три секунды. Выверенно и неотвратимо, как учили в Осназе, как учила сама жизнь. И вернуться к его компаньону, отодравшему обжигающий поздний обед от лица. От морды. От жабохари.

Пуля дал ему умереть быстро и практически безболезненно. Ударил выхваченным ножом, рассекая гортань, выпуская шипенье вперемешку с красными брызгами. И добил, воткнув клинок под нужное ребро. Было жаль двух вещей.

Сорвавшегося вкусного обеда и отменившегося привала. Размечтался, расслабился. Пят'ак!

Уколова уже помогала Дарье закинуть за спину рюкзак. Старлей, собранная, осторожная и сосредоточенная, радовала. Всем своим поведением и повадками. За неделю она научилась многому. Пуля довольно усмехнулся.

– Идем к...

Обрез висел на поясе. АК – за спиной. Уколова среагировала быстрее. Выпустила несколько коротких очередей, вколачивая пять сорок пять в ломящиеся к ним через кусты живые танки.

– К воде!

Дети Дагона пришли с правой стороны, вода там. Река или озерцо, соединяющееся с рекой. Надо успеть добраться до нее. В воду кабаны не сунутся, это хорошо. Плохо то, что им самим придется лезть в нее. Лучше бы отсиделись на деревьях... да. Но стадо явно решило не давать им такого подарка.

Уколова бежала впереди, Азамат прикрывал, поставив Дашу в середину. Оставленная роща, пахнувшая кровью подбитого секача, хрустела от летевших за ними зверей. Дикие свиньи гнали опасных чужаков. Пуля не ошибся, все-таки эта рощица глянулась не только им, людям.

Кусты по краям рощицы разлетались мириадами сверкающих брызг. Выпускали многопудовые ступки мышц и жира, покрытые колочей и жесткой щетиной. Звери, злобно всхрапывая, выпускали облачка пара, взрывали черную жижу, разбрасывая ее не хуже трактора. Три

секача, по грудь Пуле, летели первыми, свистя и хрюкая. Беглецов спасли только деревца, не пустившие зверей сразу, и скользкая поздняя трава, копыта по ней скользили.

– Камыши! – Уколова развернулась к Пуле, выстрелила, помогая ему свалить первого, не в меру ретивого кабана. – В них? В них?!!

– Да! – Азамат оглянулся на вырвавшиеся из спадающего тумана желтые пушистые кисти. – В них. Под ноги смотрите! Быстрее, Даша!

Они влетели в тугую поросль камыша практически одновременно. Пуля, пробежав, сколько смог, развернулся, готовый обороняться. Выдохнул, глядя на первого, грозно скалящего все шесть изогнутых в разные стороны вершковых клыков. Черный громадный вебрь с торчавшей гребнем щетиной угрожающе ревел и чавкал грязью по берегу. И не совался. Остальное стадо поперек него не шло. Сгрудившись за секачами, хрипело, хрюкало и стояло. Не собираясь уходить.

Пуля, несколько раз сжав совершенно мокрые пальцы на ногах, сплюнул. Дерьмо ситуация, пятак. Гадостное такое дерьмище. Стоять по колено в воде то ли речки, то ли озера не хотелось.

– Идем туда! – он ткнул рукой на юго-восток. – Надо двигаться. Сами уйдут.

Лишь бы свиньи не лезли в воду не только из-за неудобства. Только бы здесь не водилось что-то, чего те просто боятся. Или не сидели бы в воде, притаившись до срока, дагоновские ребятки. Гадство...

– Старлей?

– Да?

– Вон там не жердь какая-то? Левее?

Уколова, все еще плохо шевелящая пальцами одной руки, нагнулась. Потянула на себя замеченную палку, вытянула. Гулко плеснуло, чавкнула тина, с неохотой выпуская необходимое Пуле. И впрямь, жердь, неплохая, хоть и выгнутая.

– Будешь ею дно щупать.

– А ты?

Пуля подмигнул. Уколова понятиливо кивнула. К своей так полюбившейся рогатине Пуля даже приделал ремень, выпросив тот у Лесника. Охотничья снасть пригодилась не один раз и даже спасла ей жизнь. Сейчас вот, с помощью Даши отстегнутая от рюкзака, превратилась в посох. АК Пуля перевесил на грудь, поморщившись от неудобства. Хотя терпеть приходилось и не такое. А уж вес автомата сейчас радовал.

– Шли бы вы... – он повернулся к беснующемуся стаду. – Мы вас первые не трогали. Идите, не нужна нам ссора.

Свиньи его проигнорировали. Жаль. Пуля тратить на них патроны категорически не желал. Сожжешь зряшно, и все тут. Осатаневшие зверюги кинутся в воду – и что делать? А подстрелить насмерть они смогут двух-трех, не более.

– Двинули.

Как идти посреди зарослей камыша, по колено в воде, скользя и ожидая нападения? Сейчас Пуля не смог бы дать ответа при всем желании. Будь у него в напарниках Саблезуб, такого бы не случилось. Кот почуял бы опасность рано. Но есть так, как есть. Он, старлей-полукалека и девчонка, ничего особо не умеющая. И два десятка злобных тварей на берегу, никак не желающих отставать.

– Ой... – Даша остановилась. Глаза у нее разом стали большими и испуганными. – У меня что-то на ноге. Ой... Женя!

Пуля оказался рядом быстрее старлея, закинул Дашину руку себе на шею и поднял ногу, ту, на которую девчонка косилась с неприкрытым ужасом. И выругался.

– Тихо! Молчи! Не страшно!

Не страшно, да уж. Мерзко... пожалуй, так вернее.

Раньше такая красотка попыталась бы пробраться под одежду. После Войны ей на ткань стало совершенно наплевать. Спасибо матушке природе, не только снабдившей поблескивающую темную тварь присосками, но еще и вырастившую ей зубчики, помогающие разрезать плотную кожу. Или ткань, или даже резину.

– Пиявка, чего ты боишься, не надо бояться, не надо, – Пуля, прижав рогатину, достал нож. – Сейчас я ее подцеплю...

– Азамат... – Уколова явно нервничала.

– Сейчас... вот, смотри, Даша, сейчас... тварь скользкая.

– Азамат!

– Да сейчас. Вот, все нормально, все хорошо, сейчас кровь прекратится.

– Азамат!!!

Кабаны отходили. Пятились назад. Несколько поросят, подвизгивая, просто-напросто побежали. Пуля выдохнул, посмотрел на Дашу.

– Сейчас мы быстро пойдем дальше... Все хорошо.

Он обернулся... Выругался, понимая, что поторопился с обещанием.

Срезанная им дрянь больше всего походила на тридцатисантиметровый кусок скользкого гофрированного шланга. Не особо упругого, не насосавшегося плотно и крепко. И, скорее всего, пиявка была маленькая. В смысле возраста. В отличие от поднимающихся за пару метров от Уколовой двух родителей. Или родственников, какая тут разница?

Глядя на желтые костяные конусы, окружающие присоску у каждого из пожаловавших к ним страшилищ, Пуля мог только порадоваться их наглости. Подкрадись такие под водой... что делать? Интересно, почему старлей не стреляла? А, ясно, перекося. И с ее-то пальцами, плотно закутанными в насквозь мокрые бинты, затвор особо не передернешь.

– Отходим к берегу, – Пуля оттолкнул Дашу, – живее.

– Кабаны.

– По фигу, – Пуля, сунув рогатину под мышку, шагнул вперед, закрывая Уколову, – эти уж совсем мерзкие.

Первый бросок он не пропустил. Успел выстрелить, попав в бок летящей к нему коричневой огромной хищной кишке. Пули разнесли пару костяных наростов, разворотили плоть. Пиявка вывернулась, ухнув в воду и продемонстрировав выросшие у нее то ли ложноножки, то ли зародыши плавников.

Вторая нырнула. Даша дико заорала, ринулась к берегу. Пуля, чувствуя, как волосы встают дыбом, а пот на спине и по бокам поливает не хуже дождя, провел стволом прямо перед собой, нажав и не отпуская спуск.

АК загрохотал, поливая воду свинцом. Черная непрозрачная гладь вскипела, раскидываемая в стороны фонтанами попаданий. Пуля, отступая назад, орал, продолжая стрелять и жалея о магазине всего на тридцать патронов. Сердце колошматило, гоня кровь пополам с адреналином.

Попал или не попал? Попал или нет? Автомат захлебнулся, сухо шелкнул бойком. Уколова что-то кричала у него за спиной. Под ногами скользило и сочно хлюпало. Вода, взбаламученная стрельбой, волновалась и совершенно не хотела показывать – что под ней.

Он все же упал, оступившись то ли на корне, то ли на ветке, то ли на чьих-то костях. Упал, погружаясь в воду по самые плечи, вжав голову, когда холодная вода залилась за воротник. Зато успел схватиться за древко рогатины и широким махом провести ее пером перед собой, под водой, желая хотя бы как-то попасть в чудовище.

Мерзкое, склизкое, кольчатое кровососущее нечто. Нечто, что подбиралось к нему невидимо и бесшумно. Желудок дергался, стараясь прорваться куда-то ниже, из-под ребер в кровь, разбавляя ее чуть ли не пополам, густо тек адреналин.

Металл скрежетнул, упруго встретился с чем-то. Рогатину рвануло вбок и вверх. Пуля, опершись на нее, как на шест, оттолкнулся ногами, вскакивая. Крутанул древко, задирая еще выше и чуя – попал, зацепил, не отпущу!

Вода разлетелась, выпустив судорожно сокращающего кольца хищника. Пуля заорал еще сильнее, зло радуясь, как дикий предок, заваливший саблезубого смилодона. Лишь бы не упустить, лишь бы не сорвалась. Дотянуть до берега, воткнуть сталь в землю и разорвать тварь, рвущуюся с проткнувшей ее насквозь рогатины. Получилось, получилось!

Перо вошло в черную, покрытую листьями камыша землю. Пуля навалился всем телом, орудуя рогатиной практически как пилой, разрезая пиявку пополам сразу за судорожно рвущейся в сторону слепой головой с разъявленной... пастью?!

Он выдохнул, кидаясь к земле, вцепившись в выставленную руку Даши. Упал, жадно хватая воздух и радуясь закончившемуся кошмару. И только поднявшись, Пуля понял, что кое-что подзабыл.

Черный огромный вожак стада, так и не удравший, стоял все там же. Водил темным пяточком, шевелил, втягивал запах крови. Глазки подслеповато смотрели на людей, но секач не атаковал. Перетапывался с ноги на ногу, взрывал землю, но не шел вперед.

Пуля покосился в сторону, куда зверь смотрел чаще всего. И вздохнул. Кто скажет, что звери глупые и ничего не чувствуют?

Поднимаясь на берег и борясь с тварью, он, похоже, вытащил вместе с тиной и илом ещё кое-что. Череп, и не один. Вытянутые свинячьи черепа. Небольшие и чисто белые. Поросят, это уж точно.

Он, охотник на мутантов Пуля, отомстил пиявкам, убившим этим летом несколько детишек вот этого гиганта? Да ну, на фиг...

Секач хрюкнул, выдохнув пар. Развернулся и потрусил к стаду, спокойно уходящему к оставленной позади рожице.

– Охренеть не встать, – Уколова хлюпнула носом, – кому скажешь... не поверят.

Дарья, упав на мокрый берег, хрипло дышала. Пуля, лихорадочно перематывая портянки, оскалился. Зло, как пес, который раз рычащий на непослушного кутенка.

– Встала! Воду из ботинок вылила! Носки новые! Быстрее!

Уколова, все понимающая, не лезла. Даша, после того как оставили у лагеря Морхольда, вела себя странно. Вздыхала, кивала головой, слушала... и делала все по-своему. Чуть притор-моженно, как испуганный окриком ребенок. Вроде и хочет сделать правильно, и боится еще раз перепутать. Дерг-дерг в разные стороны, вот и опять все не так.

Даша замерла, косясь на Пулю. Тот вздохнул, мокрый, уставший, сидя в одном сапоге, с босой ногой.

– Не кричи на меня.

Пуля сплюнул. Не кричи на нее, точно. Пят'ак!

– Даша, – Уколова, быстро, насколько позволила рука, замотала ноги в сухое. – Азамат может нас вывести отсюда. Мы доберемся, куда нам нужно. Но ты только проснись, слышишь?

– Не надо на меня кричать... – Даша судорожно глотнула. – Пожалуйста, не надо.

Пуля, мотая головой, обулся. Постучал сапогом, выровняв чуть замаявшуюся портянку. Согласно кивнул.

– Никакого крика. А ты все делаешь, как прошу. Сразу. Договорились?

Умница.

Интересно, а как они встанут на стоянку, снова начнет читать? В сумерках, глаза портить. Вот что в них, в листках этих?...

...Они уходили к Черкассам. Лесник вдруг оказался рядом, неуловимо, бесшумно.

Азамат встревоженно посмотрел на него. Мужчина лишь мотнул головой, успокоил улыбкой.

– Девочка.

Даша уставилась глазищами.

– Я ходил ночью к яхте. Там не осталось ничего нужного. Дагон – чудовище, но не глупое. Забирает у жертв своих детей все, что согдится. Там лежал рюкзак, не ваш. Выпотрошенный. А в нем вот, записки. Возможно, твоего друга. Как его?

Даша сглотнула.

– Морхольд.

– Наверное, так.

Странно, но Азамат поверил.

– Забери. Тебе оно надо. Ты родилась в Беду, но Беда закончится. Она не может длиться вечно. Как и дождь. Прочти, здесь то, чего не хватает нашему миру для жизни.

Даша протянула руку за потрепанным блокнотом. Остановилась.

– Что там?

Лесник снова улыбнулся.

– Давно прошедшие дни. И мысли. Сама поймешь. Его самого, родственника, вообще найденный дневник... кто знает. Читай внимательно.

Ага, внимательно.

Вот она и читала. В сумерках, мучая глаза. Но читала. Почему?

«Такое разное прошлое: дождь не может идти вечно»

Дождь не может идти вечно. Брендон, став Эриком Дрейвеном, растворился в целлюлоиде кинобобин, пленке видеокассет, ломкой плоскости дисков и пикселей цифрового формата.

А слова остались.

Дождь – это романтично, красиво, холодно, мокро и еще пять тысяч разных реакций на воду, летящую с неба. Начинается не вовремя, ровно когда на ногах что-то легкое и хочется солнца и тепла. Без дождя невозможно, дождь – как часть тебя, и никак иначе. Где-то его ждут, как саму жизнь, где-то молятся всем подряд, призывая и с надеждой смотря в небо. У нас здесь он просто есть. Как та самая часть себя.

В семнадцать дождь хлестал по стеклам электрички, часто таскавшей в Самару. Самара казалась чем-то недостижимым и почти Эльдorado для души. Желтые и серые деревья за окном были точь-в-точь как настроение. Появись это чуть раньше, а не в 2007-м, мало ли, как вышло бы. Жизнь рушилась, впереди был только мрак и безысходность. Душа рвалась к любви и наслаждениям, а реальность ставила на место повесткой военкома.

Через два с половиной года, на мои двадцать, мы переезжали. С Аргуна к Ведено. Подарков оказалось целых три. Половина блока «Петра Первого» и выгрузка из старого хмурого КамАЗа двойного боезапаса на высоту в тридцать метров. Пешком, по двое на снаряжный ящик, с их чертовой толстой проволокой вместо ручек. Третий подарок обрушился на нас ночью, снеся закрепленные плащ-палатки и чуть не смыв под горку вещмешки. А с утра вокруг вылезла первая «зеленка».

В двадцать два дождь стучал по крыше будки охраны на рынке. Мерный ритм капель и блеск разводов стекла, выходящего на дорогу с ее автомобилями, старый кассетник и новый альбом Моби. Дождь пах осенью и надеждой на хорошее в будущем. А вовсе не отдавал рыночной вонью неубранных фруктов в палатках.

Еще позже лихой и быстрый майский, где-то у Салавата, превратил небо, горизонт и поля во флаг Башкортостана. Бирюза огромной опрокинутой чашки без единого облачка, молочный опал ее нижнего края и изумруды травы, шелестящей мокрыми волнами внизу.

Сегодня пролетающий «Патриот» чуть не окатил грязью. Пробка у реалбазы – и вот ты топaeшь по мосту, накинув капюшон. Дождь стучит по плотной ткани и разлетается алмазной крошкой о пролетающие серые силуэты на дороге. «Патриот» накатил снизу, сердито ворча движком, и примерился к длинной луже, вдруг оказавшейся справа.

То ли водитель был воспитан, то ли что, но он притормозил. И злиться на дождь совершенно расхотелось. Это же дождь. А где-то его нет. Совсем...

Глава 2

Мертвое село

Самарская обл., с. Кинель-Черкассы

(координаты: 53°27'00" с. ш., 51°26'00" в. д., 2033 год от РХ)

Пуля всматривался в село. Стоял под большим карагачом, прячась за низкой веткой, искал опасность. И пока не находил. Но ему не верилось в такой исход. Совершенно.

Азамат, накинув капюшон, пытался понять, разобраться в странном чувстве. С неба лило и моросило с самого утра. Этакого незадавшегося утра, серого, мглистого и промозглого. Но грязь и сырость беспокоили Пулю куда меньше собственных ощущений. А вот как раз они заставляли нервничать.

Интуицию и опыт не обведешь вокруг пальца. Умение выживать еще с детства вросло десятком шрамов, несколькими осколками и парой моментов яркого света с необъятным, каким-то неземным покоем. Чутье спасало его много раз – и сейчас, тихо и внятно, твердило об опасности. Пуля очень хотел разглядеть хотя бы какую-то зацепку. Но пока не получалось.

Река осталась по левую руку. Хотя что-то хорошо, не переплывать. Соваться в воду стало боязно. Дагоновы дети могли и отстать, но легче пока не становилось.

Изгороди и заборы смотрели на Пулю в ответ. Дощатые, большей частью завалившиеся, темнеющие серыми и черными пятнами. Капитальные, рыжеющие пока еще светлыми кирпичами, но уже наполовину заросшие грибок. Едва темнеющие, висящие, казалось, в воздухе, сделанные из труб и совершенно проржавевшей сетки-рабицы. Острые прорехи, обломанные брусья и штакетник, оскаленные проемы в разваливающейся кладке стен следили в ответ, грозили, предупреждали...

Дома еле проглядывались между небом и землей, скрытые туманом и моросью. Белесая густая завеса закрывала всю западную окраину Черкасс, прятала внутри себя, не давала разглядеть нужного. Выхода на остатки трассы, серую, рассыпающуюся змею, ведущую к станции.

Село называли мертвым. Но в эту байку Пуля не верил. Хотя проходил его один раз, и давно. Но даже тогда, проскакав его насквозь с целым отрядом торговцев, кое-что заметил. Дымки, поднимающиеся то тут, то там, запомнил хорошо. Значит, есть тут люди. А где люди... там не обязательно теплая встреча и радостные лица. Не, это Пуля знал просто отлично. Спасибо, жизнь – хороший учитель.

А еще Черкассы просто смердели опасностью. И, почему-то, смертью. Ее-то Пуля ощущал даже через сырую прель роши, гниющую листву и доставший запах дождя. Тяжелая, кружащая голову вонь плавала в воздухе. Он ее чуял и не хотел идти к селу. Стоял и пытался рассмотреть хотя бы что-то. Отгонял ту минуту, когда сделает первый шаг по завалившейся скользкой траве, идущей к самой околице и прячущейся в хмари.

Пуля мазнул взглядом в сторону дворов, уходящих вглубь этого куска Черкасс. Вгляделся, стараясь выжать из старенького бинокля все возможное. Ничего... совсем.

– Что там? – Уколова задела головой ветку, стряхнув целый водопад.

Пуля мотнул головой. Чутье подсказывало беду не только впереди. Недвусмысленно говорило: бегите, бегите быстрее. Оттуда, со стороны Кинеля, явственно доносились острые болезненные уколы злого и темного. Пуля даже не сомневался в причине. Вряд ли от них вообще отцепятся те серьезные ребята. Так что зря тратить время не хотелось.

Даша, полусонная и сопящая носом, глухо хлюпающим соплями, подошла к ним. Пуля покачал головой, не дав ей задать ненужный и глупый вопрос. Перевесил 74-й на грудь, ослабив ремень. Рогатину с самого рассвета притянул к рюкзаку, справедливо полагая, что пули

сейчас окажутся важнее. Шуметь не хотелось, верно, но запах смерти из Черкасс пересилил осторожность. Выстрелы из 74-го все равно услышат, так что не стоило скромничать.

Пуля достал обрез, переломил, вытащив вчерашние патроны. Залез во внутренний карман, достав два совершенно сухих. Осечки ему только не хватало. Картечь казалась надежнее, помогала справиться с редко екающим сердцем. Пуля криво усмехнулся, подумав об этом. Шнурок вокруг ручки с шаром противовеса и на запястье. Отлично.

– Я – первый. Даша за мной. Лейтенант, прикрываешь. Все как обычно.

Обе кивнули. Порядок уже вырабатывался. Как идти, как становиться на привал, как сторожить. Пуле это нравилось. Крохотная группа должна работать слаженно, так, чтобы каждый стал рабочей деталью механизма. И чем быстрее, тем лучше.

Сапоги чавкали тянущейся следом грязью. Взяли в умершей густой траве, оскальзываясь на толстых стеблях репейника и чистотела. Пуля шел осторожно, вразвалочку, искал подошвами, где надежнее. Вроде бы даже получалось. Только он шел не один.

Даша сопела, пыхла, порой почти падала, еле успевая встать враскоряку. Пят'ак, девочка, тише, не бежать! Пуля отвернулся, старался быть спокойным. Он влез в это дело, он доведет его до конца, а ее – до Уфы. Дарья Дармова стояла Леночки, оставленной там. Малышка-мутант не заслужила плохого. И обмен выйдет честным. Только бы довести ее живой.

Уколова шла ровнее. Сказывалась выучка, полученная в учебке СБ, чего уж. Рука уже слушалась, видно, помогла и мазь, полученная у Лесника. Лейтенант спокойно баюкала покалеченной ладонью цевье автомата. Без вспыхивающей в глазах боли, без закушенной губы. Уколова работала, как учили. Прикрывала тыл, смотрела по сторонам. Хотя оно и очень сложно. Чертов туман.

Сизое непроницаемое молоко стелилось вокруг, практически непроглядное. Они спустились в овражек, нырнув в него по колена. Белесая невесомая сметана охватывала ноги, мешала быстрому ходу. Пуля остановился, вглядываясь в подъем. До него рукой подать, а опасения никуда не делись. Стали только сильнее. Окутывали едким запахом, тем самым, почуянным еще в рощице. Пуля оглянулся, стараясь понять мысли женщин.

Они боялись. Ощутимо и ясно. Боялись пути через село.

Это ничего, нормально. Боятся, так будут осторожнее. А вот признаваться себе в собственном страхе ему не хотелось. Но Пуля признался. Себя обманывать нельзя никогда, от такой привычки и откинуться недолго... На тот свет. Сейчас-то уж точно.

Село приближалось. Накатывало новыми запахами, мешающимися с остальными вокруг. И оттого не нравилось Пуле еще больше. Утро, время вполне ясное. Уклад таких мест остался прежним, как и сотню лет назад. Даже так и лучше, порядка больше.

Природа, побуянив почти двадцать лет, уже три года давала людишкам отдохнуть. Азамат знал местный расклад как свои пять пальцев. Ничего нового село не предложило бы, как ни изворачивайся. Утро в селе всегда одинаковое.

Встать с петухами, именно что с ними. Птица в глуши почти не изменилась, да и сельские свое дело знали. Каннибалов пускали на суп быстро, оставляя тех, что поспокойнее. Так что утро в Черкассах, как и во Мраково или в Бавлах, начиналось, как везде: с петушинных хриплых будильников, с первым солнцем. Ну, или с посветлевшими тучами. Как сейчас, например.

Растопить печь, полностью вернувшую былую славу и необходимость. Их-то, таких нужных, становилось все больше. Редких русских на четверть дома, чуть чаще – голландок, или новоделов, сваренных-слеplенных из бочек и садовых буржук. Разогреть кормилицу натасканными и насушенными за ночь дровами, ядрено стрелявшими искрами и пыхающими густым горьковатым дымом.

Выгнать со двора скотину, блеющую, похрюкивающую и, само собой, мычащую. Говаривали, в Черкассах коровки рождались особенно мирные, не желающие жрать мяско, дающие

молоко, как раньше. Ну, и лошадки, чего уж, этих тоже прибавлялось с каждым годом. Где животины, там и шум, и вонь, и щелчки пастушьих кнутов.

И еда. Первая, самая важная. Ее запах не перепутать ни с чем, когда уходят первые печные дымы. Хорошие села пахли издали. Кашей из кропотливо выращенной пшеницы с топленным маслом, золотистой яичницей на сале да с кусками домашней колбасы или воскресными, дорожными из-за муки, пирогами и курниками.

Утром любое хорошее село выдавало себя с головой шумами и запахами. Только не Черкассы этим чертовым серым утром. Даже братские могилы пахнут не так сильно и страшно.

Пуля углядел впереди сваленные друг на друга доски, лежавшие с внешней стороны забора. Про себя подивился такой глупости и бесхозяйственности. Но, глянув на совершенно обычный забор крайнего дома, лишь пожал плечами. Их, богатых, не понять.

Сам Пуля, будь сельским головой, давно заставил бы сделать несколько простых вещей. Раскатать по бревнышку и разнести по кирпичику всю окраину. Сжать село дом к дому, сделав каждый забор крепостной стеной. Обнес бы ею центр, используя разваленные дома. Такой... высокой, прочной и с постами. И совсем уж точно, пусть и не за один год, окружил бы защитницу еще и кольцом рва. С тремя, ну, может, и четырьмя мостами.

А здесь?

Азамат критически оглядел видимый кусок Черкасс. Ну, и шайтан с ними... Тем более что сейчас уже все равно. Никаких других мыслей насчет Черкасс в голову не приходило. Село умерло. Пережив двадцать лет Беды, просто взяло и прекратило быть. А причину им предстоит узнать очень скоро. И в этом Пуля нисколько не сомневался.

Девчонки замерли, заметив его знак. Сам Пуля добрался до досок, присмотрелся. Пят'ак... Прогнившие, черные, в плесени. Лежат друг на друге, как перепившие собутельники после водки-палёнки, вкривь да вкось. Выдержат? Стоит пробовать в любом случае. Выходить на сельскую улицу, на открытое место... Не собирался. Побегать, если что случится, успеют.

Обрез, повисший на шнурке, не помешал. Прыгать Азамат не стал. Спокойно, распределяя вес с пятки на носок, не торопясь, поднялся, как по ступеням. Замер, ссутулившись и всматриваясь. Чего тут?

А чего особенного он ожидал увидеть?

Двор как двор. Кривые покосившиеся теплицы из сшитого леской полиэтилена. Натоптанные, сейчас раскисшие, дорожки к ним же. Ну, и к будке сортира, куда без нее. Курятник, как же... Густо пахнувший так и не выветрившимся креозотом.

Есть рядом с селом железка? Есть и старые шпалы. А уж из них сам Аллах велел людям строить сараи и загоны для скота с птицей. Прямо как вон тот, покосившийся и покрытый разнокалиберными листьями старого шифера.

Большая часть двора густо заросла лебедой, полынью и крапивой. Последняя явно выигрывала схватку с остальными сорняками. И не только сорняками. Несколько пионовых кустов, росших совсем дико, почему-то до сих пор не умерли. Краснели и белели через стально-зеленые заросли. Пуля поморщился. Белые цветы лениво качались, перебирая лепестками с кроваво-красной окаемкой по краешку и разводами. Как будто и впрямь кто-то умер прямо здесь.

Но «кого-то» он не увидел. Совершенно. Ни во дворе, ни рядом с узким высоким домом. Ни в нем самом, насколько позволяли смотреть не закрытые ставнями грязные окна. Совершенно пусто и безлюдно. Мертво. И никакого живого запаха. Только навоз с куриным дерьмом, мокрая земля, трава и... тот самый, почти неуловимый, странный смрад. Как будто где-то здесь одновременно подошли те самые куры. Но сколько ни всматривался, не заметил ничего.

А вот что порадовало... Так то лестница, ведущая на чердак. Добротная такая, сбита из совсем недавно отесанных досок. Прикинув все возможные варианты, Пуля решил. Провести осмотр, владея высотой, лучше многого прочего. Тем более, туман рассеивался, а морось чуть притихла. Да и тучи светлели, несмотря на собирающуюся вдали бурю. И, если Пуля все

понимал верно, такую себе... снежную. И как бы не пришлось пережить ее в селе, прячась под крышей, опасаясь неизвестности и пытаясь промыслить теплые вещи. Или даже лошадей. Вот от трех-четырех кобылок башкирское нутро Азамата явно не отказалось бы. С лошадкой всяко проще и удобнее.

Мечты...

Наверх Азамат вскарабкался в три прыжка. Лестница выдержала. Теперь взять АК наизготовку и ждать остальных. Он обернулся, позвал своих... женщин. Лестница загудела, а ему осталось только наблюдать вокруг. Быстрее, девчонки, еще-еще... Умницы.

Вовремя. Даже очень.

Заросли шевельнулись. Азамат замер, стараясь ничего не упустить.

Крапива, острая и темная, величаво заколыхалась, сбрасывая прозрачные брызги. Алмазные отблески падали вниз, разбиваясь и смешиваясь с мутной лужей. Красота превращалась в тлен и останки.

Зверь выбрался из зарослей неторопливо и странно. Пуля вцепилась взглядом в существо, пытаясь увидеть и понять хотя бы что-то. Непонимание крепко надоело. Но ответа не получил и продолжал наблюдать за хищником, стоявшим внизу. Не понимая собственного осязательного страха. Потому как там торчала самая обычная лиса. Только вот...

Лиса шевельнула носом. Стояла, покачиваясь, мотая вверх-вниз башкой, грязно-бурой по самые уши. От зверя шел удушливый запах дохлятины. Пробивался даже через сырость обрыдлой мороси и прель соломы с курятника.

Шерсть лежала и торчала вперемешку: линиялая, тонкая и мокро-повисшая, и жесткие острые лохмы, покрытые грязевым панцирем. От хвоста осталась половина, идущая ровно от кончика и до середины. Дальше... дальше позвонки покрывали серо-красные подрагивающие остатки мускулов, перевитые сосудами. Кожи там виднелось немного, редкие и черные завитки, скрученные пергаментом.

Мутные глаза прятались за коростой. Не отражали крох света. Не блестели. Лишь еле заметно замирали, выискивая цель вслед движениям носа. Блестели кончики зубов, почерневших, густо облепленных слюной, тягуче и часто текущей вниз.

Ветер вяло шевелил темную крапиву. Зелень сомкнулась, выпустив зверя. Лишь в одном месте острые листья торчали в стороны. Азамат осторожно сдвинулся с места, стараясь не задеть ни чертовых мумифицированных веников, ни ломкой хрустящей соломы. Что-то неуловимо дергало изнутри, заставляло сердце стучать быстрее. Странное такое предчувствие... перекатывающееся на языке кисло-стальным привкусом беды.

Тучи, ворочающиеся у окоема, ворчали и посверкивали. Морось, меняясь, застучала по дырявым листьям настоящей дождевой дробью. Ветер не выл, не свистел. Острый его голос превращался в гулкое ворчание. И оно, уже несколько раз, резануло по открытой коже бритвой надвигающейся ледяной бури. Густо-черный цвет рокошущего неба лишь подтверждал мысль.

Азамат добрался до окошка у конька кровли. Едва-едва вытянувшись вверх, оперся на правую руку, старательно придерживая пучки трав, давно умерших и потерявших мало-мальски лечебные свойства. Одуванчик, мать-и-мачеха, солодка, ромашка... их Пуля угадывал по остаткам листочков или съезжившимся мертвым соцветиям, блеклым и бесцветным.

Лиса не сдвинулась. Так же мертво смотрела перед собой, не шевелясь, будто вросшая в землю. Ветер играл свалывшейся шерстью, поднимал чуть рыжей метелкой. Крапиву пригибало сильнее, беспорядочно и безжалостно мочая во все стороны. Спрятанное в ней открылось. Азамат выругался про себя. Беда ощущалась уже совсем явственно.

Ребенку было лет семь-восемь. То ли мальчик, то ли девочка... Без разницы. Теплые штанишки, заношенная ветровка. Наполовину выеденное горло и обглоданное сбоку лицо. Чьи мелкие зубы сотворили такое... Пуля понял без пояснений. В селе творилось не просто нелад-

ное. Черкассы действительно умерли, раз такое произошло посреди белого дня. И чего ждать дальше?

Азамат аккуратно отполз назад. Прижал палец к губам, помотал головой. Девки поняли, молчали, косились на его руки. А они споро делали уже привычное. Скручивали рогатину, сейчас просто необходимую. Шуметь выстрелами в мертвом селе, с такими жителями, пусть и на окраине, Пуля не хотел. Слишком пугала лиса, сожравшая ребенка и ждущая кого-то еще.

Уколова быстро поняла сказанное жестами. Тихонько прокралась к пролому, откуда Пуля заметил странное животное. Сняла с предохранителя «калаш», прижала к плечу. Стоило дать ей обрез, но это на крайний случай. Да и картечь, пущенная с высоты, покрошит любое мясо с костями. Что лисье, что его, Пули.

Возвращаться назад? Не стоило. После Беды возвращаться вообще стало плохой приметой. А уж странно шевелящаяся трава-мурава, замеченная им на подходах к этому двору... Пуле она не понравилась. Мало ли кто или что могло в ней копошиться?

Так что оставалось одно. Убить чертову странную зверюгу-людоеда. Пусть оно и кажется вдруг жутко страшным. Даже хуже, чем охота на навью или единственная схватка с медведем у Учалов. Пуля крутил в голове куски прошлых боев и не понимал сам себя. Страх был странным. Нерациональным и окружающим со всех сторон.

Рогатина стала привычной, лежала в руках, как влитая. Пуля осторожно спускался вниз. Лестница подрагивала, один раз загудела, но ни хруста, ни скрипа. Не выдала. Сапоги мягко коснулись влажной рыхлой земли. Вонь из-за угла дома стала сильнее. Азамат выдвинул древко рогатины дальше, желая видеть ее наконечник-перо где-то в метре от себя. Бешенство передается от теплокровных к теплокровным. А лиса явно не слишком здорова. Это если мягко.

Он выглянул, одним глазом, оценивая расстояние и грязь. Клятый дождь вроде бы успокоился, но морось так и висела в воздухе. Растянуться в жиже, подставляясь странному зверю... Пуля не сомневался, что лиса будет атаковать. Бешеные животные не убегают.

Мутные глаза уставились на него. Нос, сплошь покрытый засохшей коркой, смотрел прямо на угол дома. Черные полосы оставшихся губ поднимались, открывая изъеденные язвами десны и зубы, подходившие хищнику куда крупнее. Лиса не стала дожидаться, двинула вперед. Бешеная или нет, запах человека учуяла тут же.

Азамат шагнул навстречу, наклоня рогатину, перехватывая удобнее и...

Лиса рвано шла к нему. Не бежала, не прыгала, не кралась. Шла. Дергаными неровными движениями, подходящими калеке. И хрипло шипела. А не тьякала, высоко и мерзко, как любая нормальная рыжуха. И Пуля видел причину.

Свалявшаяся белая шерсть на горле краснела не только из-за убитого ею ребенка. Поблескивая затекшими каплями дождя и темнея уже умершими тканями, горло красовалось всей своей внутренностью, вспоротое и разодранное.

Лиса шла, качаясь из стороны в сторону. Шипение клокотало внутри нее закипающим чайником. Мертвый зверь шел к живому человеку.

Рогатина встретила чудовище, успев за неожиданно быстрым рывком. Мысль колотилась в голове, ощутимая и горячая: не дать вцепиться... куда угодно, не дать!

Мертвый свист перешел в кашляющее низкое рычание. Сталь вошла в шею глубоко, не давая лисе продвинуться. Зверь рвался вперед, раздирая горло, брызгая вязкой темной жидкостью. Совершенно наплевав на пятнадцать сантиметров отточенного железа в себе. На разрезанные мускулы, сухожилия и сосуды. Лисе явно ничего не мешало. Кроме человека, не пускающего ее пасть к себе.

Азамат свистел выпускаемым воздухом через зубы. Давил, не веря глазам и телу. Небольшое животное, рассекая свою плоть, рвалось к нему. Клыки шелкали друг о друга, неистово и сильно. Треснуло, один обломился, но рыже-грязная бестия не успокаивалась. Щелк-щелк,

костяные копыта рубили воздух, тянулись к мокрому Пуле, упирающемуся изо всех сил, но отъезжающему по грязи все дальше.

Он не выдержал... Решился, понимая всю опасность. Сжал скользкое от мороси древко. Так крепко, как смог. И дернул на себя, в сторону и тут же назад. Лиса рванулась вперед, зашипела, по-змеиному бесконечно раскрыла пасть. Узкие щипцы челюстей хрустнули, разрывая мертвые мускулы и связки, разошлись вверх-вниз лепестками, оцетинились костяным частоколом, блестящим темной тягучей слюной. Щелкнули по голени, разрезая ткань и...

Азамат отступил назад, ударил. Рогатина проткнула зверя сразу за лопатками, треснула рассыпающимся фундаментом. Удачно. Прямо между сыплющимися кирпичами, в серо-вязкую мякоть расплывающегося раствора. Пуля отпрыгнула, выдирая штаны из пасти. Грязно-зеленый клочок так и остался между зубищ.

Секунды щелкали в такт безумно рвущейся к нему пасти. Топорик вылетел из-за пояса, не зацепившись. Ударил вниз, мелькнув кромкой, гулко впился в голову. Череп лисы кракнул, впуская металл внутрь и разлетаясь крошкой. Шипение и щелканье прекратились разом. Лиса стала полностью мертвой. Навсегда.

Сзади хрюкнуло и рыкнуло. Азамат успел обернуться, через плечо заметив выросший из пустоты силуэт. Высокий опухший мужик, раззявивший рот, был всего в полуметре. Черные гнилые зубы, выпирающие из-за бледно-синюшных губ, щелкали не хуже клюва дятла по дереву. Растопыренные пальцы целились на такого нужного, вкусного живого человека. Схватить, сгрести в горсть кривыми ястребиными когтями, подтянуть, вгрызться...

АК ударил дробно, сливая три короткие очереди в одну. Пули пробиты грудь, шею, выбили черный всплеск жижи, текущей вместо крови. Мужик хрюкал, вязко чавкал и шел вперед. Азамат тянул на себя топорик и не успевал.

Чпок-чпок-чпок...

Уколова что-то орала. Радовалась, наверное. Два последних выстрела нашли цель. Снесли к едрене-фене половину башки людоеду, недавно бывшему человеком.

Азамат выдохнул. Положил руку на обрез и выдохнул еще раз. Он все же не железный, имеет право испугаться и сглупить. А будь сейчас один... все, амба. Поднял голову, кивая Уколовой. Старлей мотнула головой в ответ.

– Спускайтесь. Надо уходить.

– Оберн...

Азамат слышал сам. Развернулся на автомате, не забыв про обрез. И даже не закрыл глаза. Она все равно уже мертвая.

Глаза еще остались голубыми. Как редко светлеющее небо. Или как ободок на когда-то любимой приютовской тарелке Азамата. И косички. Косы. Густые, темные, тугие. Одежка от шеи и до пупа не белела. Хрустела бурой засохшей кровью.

Обрез ударил нижним стволом. Точно в цель. Крапива недовольно мотнулась, принимая оставшееся от неожиданно воскресшего ребенка.

Азамат тут же перезарядил, сосчитав патроны. Чего считать? И так знал, что их осталось десять. Но счет успокаивал и настраивал на нужный лад. Вслушался...

Уколова поняла все по чуть побледневшему лицу, смуглому от природы и назло Беде с ее спрятанным в тучах солнцем.

– Бежим! – Азамат водил головой, искал нужный и открытый путь.

Сколько здесь таких вот странных живых мертвяков? Все село? Сколько тут жило? Сколько бежит, идет, ковыляет и ползет к ним? Сколько тут водилось собак и кошек? А грызуны?!

Лестница чуть не подломилась под Дашей, но выдержала и сломалась только под Уколовой. Разбухшая от сырости древесина развалилась трухой.

– Двое на улице, – Уколова, закусив губу от боли в поджигивающих пальцах, кивнула на забор, – точно видела. Больше... не знаю.

Азамат сплюнул. Хмуро харкнуть вряд ли получится на заказ. У него вышло.

Топорик нырнул на законное запояное место. Рогатина подалась неохотно, со скрипом. Загнал так загнал. Покосился на все больше и больше накатывающее черное грохочущее непотребство на небе. И пнул калитку, уже слыша за ней жадное порывивание.

Выстрелы слились дуплетом. По одному на каждого из любителей пожрать человечинки. Пока путь оказался свободен. Куда?

Азамат четко знал одно: надо выйти к железке. Опасно, но противогазы есть. Что-то там ярилось под землей у самой насыпи, что-то, медленно и верно убивающее. Но даже так, выбравшись отсюда, помереть лучше. Чем оказаться распотрошенным странными страшными существами.

Им нужно прямо и направо. Постоянно именно так, если правильно помнил планировку села. Если по-над крышами заметить горбатые остатки автострадного моста или элеватор, так идут верно.

Азамат мягко скользнул наружу, перешагнув через сразу окоченевшее и замершее тело. Картечь в голову останавливает? Уже хорошо. Жаль только, маловато ее будет. Явно на всех не хватит.

Улица, размытая дождями, серела посреди наваливающегося тумана. Дома, торчавшие надгробиями вдоль щербатого скелета асфальта, недобро смотрели на живых. Улица плыла грязью-размазней, тут же жадно вцепившейся в подошвы. Выла ветром, злобно гудящим остатками электролиний.

Издалека, взмывая выше, донесся тоскливый вой-воплъ. Глухо грохотали ворота напротив, сотрясаемые изнутри. Из-за проржавевших листов, покрытых оставшимися островками краски, неслось сумасшедшее горячее бормотание. Удар, скрип, блоп-блоп, с придыханием и скрежетом зубов. Позади, из-за самых последних домов, доносился торопливый треск крошащегося штакетника. Азамату и девочкам явно радовались. Новые люди, свежая плоть, незнакомый вкус. Пулю самого будоражила такая перспектива.

Липкая черная жижа плескалась во все стороны. Скользила, заставляя их зарываться и почти падать. Они бежали, подгоняемые темной волей умершего села. Злость и голод окружали, набрасывались смердящей вонью разложения и тихими шепотками ветра в развалинах умерших жилищ. Смерть щупала тройку беглецов ледяными пальцами сквозняка, проходила по коже бритвой холода. Пробовала на зуб, потрескивая приближающимися преследователями. Пугала густым липким туманом, окутывающим все сильнее.

Азамат пытался не потерять ориентир – черный гнилой столб с поникшими проводами. Перекресток манил и заставлял бежать сильнее. Пот катился по спине, стекал по лбу, заставляя шуриться. Нос забивал запах мертвечины, прущий отовсюду. Чем глубже они заходили по улице, тем плотнее становился смрад. Сладковато-гнилой привкус хрустел на зубах страхом и откуда-то попавшим песком.

Слева, разбрызгивая грязь и щепу, разлетелся забор. Черные доски, белеющие лишаями грибка, жирно плюхались в месиво дороги. Мелькнуло перекошенное мучнистое лицо с провалами белесых глаз и бездной невозможно широко раскрытого рта. Даша тоненько пискнула, брошенная в сторону Уколовой. Дробно ударил ее АК, останавливая первого. Пять сорок пять чмокнули наискось грудь, впились в подбородок, в верхнюю челюсть, в переносицу, в глаз, в висок.

Не-человек, рвущийся к живым, упал, смешно и нелепо раскинув руки. Следующий... Следующая запнулась. Тетка, дородная, в остатках телогрейки и лохмотьях цветастого теплого халата. Дрожащий студень дряблых ног, сплошь в паутине черных вен, еще нес ее вперед, заставляя падать. Редкие обломанные зубы, выпирающие через разорванные десны, выбивали

дробь. Уколова, стреляя одиночными, отступала. За бабой перла почти толпа из трех-четырех подростков.

Азамат не теряя времени, выглянул в перекресток. Впился в белесое густое облако, лениво перекатывающееся перед ним. Втянул ударивший в лицо ветер. Сильнее смердеть не стало. Времени на помощь должно хватить.

Он успел. Вовремя, подарив Уколовой жизнь. Уже черт знает в какой раз.

Тетка померла окончательно. Подростки не сдавались. Прыгали хищными жабами вокруг, неожиданно хитро и ловко. Окружали, незаметно приближаясь к старлею. Та смогла попасть лишь в одного, пробив левую руку с ногой и зацепив по боку. Только чудовище, бывшее не так давно человеком, оно не остановило. И даже не замедлило. Бледно-смертельная карусель вокруг Уколовой дергалась все быстрее, заставляя ту отступать.

Дарья, уже уткнувшись спиной в проваливающийся профнастил, скользила пальцами по мокрому затвору азаматовского АК. Понятно... клин. А где его рогатина? Черт... как же так, девочка?! Азамат вскинул обрез, выбирая ближайшую цель. Промахиваться нельзя. Прыгнул вперед, понимая всю глупость поступка. Но по-другому бы не вышло.

Бледное лицо зашипело, оскалившись. Стеклянные буркалы замерли, впиваясь взглядом в глаза Азамата. Захватили, приковывая к себе, впитывая в себя водоворотом, вдруг начавшимся внутри каждого глаза. В ушах зазвенело, Азамата повело в сторону. Мучнистая страшная рожа приблизилась, заполняя собой кругозор.

Зубы, щелкая друг о друга взбесившимся метрономом, хрустели, выпирая из черных десен, сочащихся клейкой липкой слюной. Пахнуло свернувшейся кровью и гниющим мясом, смрад разложения накатил сильнее, вбивая в грязь всей своей невесомой тяжестью.

Чиркнуло по щеке расплавленной каплей металла, обожгло отрезвляющей болью. Резко ударило сгоревшим порохом. Даша кричала, уходя в ультразвук. Существо, почти дотянувшееся до Азамата, рычало и старалось отодвинуться. Сохранившиеся инстинкты гнали от человека, неожиданно так больно ударившего звуковой волной. Голод не давал отступить полностью, заставлял запинаться и тянуться, тянуться к Азамату. Пуля из проснувшегося автомата Даши, раздробившая не-человеку плечо, его не остановила.

Зато пуля помогла Пуле. Прийти в себя.

Обрез толкнулся в ладони. Пороховую резь Азамат втянул, уже радуясь. Бой есть бой. Хватит осторожничать...

Оставшиеся трое сбили Уколову с ног. Спина первого, ринувшегося на ее открытое горло, вскипела кучной очередью. Вздунулась багрово-черными пятнами, разлетелась подкопченными лохмотьями мяса. Магазин, выпущенный в упор, подарил Азамату нужные секунды.

Оставшийся заряд снес голову тому, что с края. Азамат стрелял в упор, не боясь задеть старлея. Ждать случая не стал, ухватился за ствол обреза и ударил остатками приклада, заканчивающимися тяжелым шаром со свинцом. Прямо в лоб обернувшегося уродца. Сильно. Черепная коробка против удара свинцовым шаром...

Физика – великая вещь. Эф равно эм на... В общем, Азамат точно не помнил формул, когда-то читанных ему Санычем. Но знал, что никакая кость не справится с ударом тяжелым тупым предметом. Особенно когда удар нанесен бешеным от ярости башкиром, десять последних лет только и делающим, что укотрупливающим всяких уродов. Не ошибся.

Не-человек осыпался в грязь, прям как... ранетки с яблони, как зубы после кастета, как... Рухнул и не вставал. С третьим Уколова разобралась сама, почти отрезав ему голову к лешему. Сразу бы так...

– Чего сразу коситься? – буркнула старлей. – Они мне нож зажали.

Азамат засопел. Привычка говорить вслух, не замечая, не нравилась. Совсем.

– Быстрее, вон туда!

«Вон туда» утопало в растекшейся жиже тумана. Полупрозрачная сметана цеплялась за все, куда дотягивалась. Паутиной обволакивала дома, остатки домов и фундаменты без домов. И самое страшное... Самое страшное заключалось в звуках, несущихся из белесого киселя. Мертвое село оживило. И тянулось прямо сюда, всем обезумевшим людоедским скопом. Беда-а-а...

Бежать Азамат решил вдоль ближайших домов. Хотя бы какая-то защита сбоку, пусть и не серьезная. Пойди по середине улицы... Тяжело отбиться, когда набегают со всех сторон. Пят'ак!

Дождь, утихший было, вернулся. Крупными редкими каплями застучал по крышам, зазвенел по ржавеющим машинам, торчавшим ржаво-моховыми клумбами, пополз мокрыми дорожками под одежду.

Азамат оглянулся на Дашу. Ее чертов талант, спящий внутри девчонки, просыпаться явно не желал. Либо тупо не работал против демонов, недавно бывших людьми. Надо же... Вот только свела между собой две команды жесточайших убийц, стравила, заставила рвать друг другу глотки. А сейчас – ничего, полная пустота.

Желто-серо-черное месиво под ногами тормозило. Вцеплялось в ноги, чавкало, не желая выпускать, тянулось, липко и нехотя освобождая подошвы. Азамат, плюнув на автомат, полностью перешедший к Даше, шел первым. Обрез зыркал на округу ощутимо зло и опасно. Будь у оставшихся странных жителей мозги – поняли бы, не лезли. Жаль, именно с этими частями организма случилось явно странно-плохое.

Небо темнело все сильнее, а туман, наконец-то, решил сдаться. Медленно, как из-под палки, потек к грязи, бывшей тут за землю. Лениво шевелился, раскидывая длинные плотные щупальца, рассеивающиеся в щели между досок, проемы штакетника, дырки металлических листов. Замеченный недавно поворот вел их верно, тут Азамат не сомневался. Такие столбы торчат только вдоль железки, серые бетонные березы, печально шевелящие поникшими хлыстами проводов.

Ор и вой метался между домами, то слева, то справа. Хотя позади слышался намного сильнее. Удача ли вдруг повернулась к беглецам тощей наглой задницей, или нет, но навстречу пока никого не попало. Азамат даже успел про себя выдохнуть. Понимал, как такое опасно, но поделаться с собой ничего не мог. Чересчур много оказалось сжато и спрессовано в два дня за спиной. Считаю еще не закончившийся.

Когда вместо мороси лоб кольнула холодная игла, а следом еще несколько, он все же не поверил. Думал, пронесло, обошло стороной... Даже остановился. Замер, стараясь осмыслить, и молча ругнулся. Задрал голову, рассматривая новую напасть, явно подброшенную за недавнюю радость от пока не встреченных вражин.

Новая напасть ворочалась низко-низко, жадно занимая половину неба жирной чернотой настоящей снежной бури. Ледяные крохи, остро кусающие кожу, падали скромно и редко. Пока... Обманываться совершенно не стоило. Чрево чудовищного снежного зверя, ворочавшегося над головами, мяло само себя изнутри. Трещало рвущейся чернотой, готовилось разродиться. И чертова потомства этой зимне-небесной суки, добравшейся сюда, хватит засыпать-похоронить под собой людишек-мурашей. Всех, и беглецов, и странно-страшных хозяев села. Если вовремя не срулить или не укрыться.

Родомир, странноватый бродяга, встреченный как-то Азаматом, верил в ледяную богиню, Морану. Несущую с собой холодную черную смерть, превращающую людей в звонкие твердые статуи, с треском разрывающую морозом даже дубы, гнавшую к человеческому теплу любую живность, обезумевшую от снега и стужи. Хозяйку пронизывающих северных ветров и колких бриллиантовых крошек, мириадами валивших с черных зимних небес.

Сейчас, глядя на почти ощутимо живую столбовую гидру, ворочавшуюся над головой, Азамат был готов поверить словам странного чудака. Почти.

Туман осел, заблестел, переливаясь разом схватившимися каплями. Грязь, застывающая на глазах, обернулась желто-серой глиной Родезии, покрытой алмазной крошкой. Азамат вздохнул. Непонятно, как хуже идти... разъезжаясь коровой на льду или залипая, как свинья в навозе.

– Половина магазина осталась, – Уколова, закрывающая тыл, сплюнула красным. – Давай выбираться, командир.

Давай выбираться... Давно пора.

Меньше слов, больше дела.

Если выпало бежать, да еще бежать с преследователями, будь внимательнее. И просто беги. Даже если скользишь, как та самая корова...

Ноги разъезжаются? Не беда, просто ставь их тверже. Береги дыхание, смотри по сторонам, держи ствол заряженным. Все просто. Ведь врагам наплевать на осторожность, и это плюс. Главное – просто успеть выстрелить. Всадить заряд в голову, чтобы наверняка.

Ноги несли беглецов. Воющий и рыкающий ужас подгонял. Село ожило. Если можно сказать именно так. Старое, бедное, выжившее в Войну и обреченное сейчас, оно рвалось за тройкой живых нормальных людей. А тех спасали лишь ноги и надежда. Ну и немного – порох со свинцом.

Мимо черной зеркальной змеи Кинеля, бегущего по своим делам. Мимо моста над рекой. Мимо храма, старого, но стоявшего. На мелькающую в такт бегу серую громаду полуразрушенного элеватора. К железнодорожным путям. То ли к спасению, то ли к отложенной смерти.

Уколова начала стрелять. Может, и зря, но Азамат ее не судил. У дома сбоку, рывком, калитку выломали сразу три ублюдка. Ублюдочных ублюдка с уже начавшими гнить рожами, сплошь измазанными бурым. А стреляла старлей своими подживающими пальцами, как в тире.

Двадцать-два! Передний, крепкий юнец, кубарем покатился под ноги следующим, зароботав точнехонько в лобец.

Двадцать-два! Прямо как на стрельбище, так же спокойно, Женя садила короткими, в два патрона, уложив второго утырка, радостно ревившего при виде удирающего мяса.

Двадцать-два! Бывает на старуху проруха, старлей – не снайпер, АК – не винтарь с прицелом, пусть бы и ПСО... Мажет.

– Меняемся. Прямо, не сворачивая! – Азамат остановил Дашу, махнулся с Уколовой местами. Взвел курки обреза.

Третий, жирный, как барсук, заляпанный по армейскому бушлату чем-то совершенно мерзким, перекатывался коlobком. Видать, мозги не у всех ссыхаются, что-то там есть. Живые, значит, зараза какая-то просто. Вряд ли мертвый толстяк додумался бы опасаться ствола. А раз так...

– Азамат! – взвизгнула Даша. – Справа!

Пятак!

Хлипкие жерди, огораживающие развалюху с провалившейся крышей, хрустко ломались. Из-за них, сопя, брызгая слюной и подвывая, лез еще пяток страхолюдин, мало похожих на людей.

Делая выбор в бою – не ошибись. Торопись не спеша, парень, говаривал прапорщик Семенов. И добавлял, скаля оставшиеся кабаньи клыки и пустые десны спереди: спешка хороша при ловле блох. И мандавошек.

Азамат оскалился не хуже Семенова или вон того утырка, совершенно безумно шелкавшего зубами и крушившего заборчик. Прямо не рот, мать его, а камнедробилка. Шиш вам, упыри, дядя Азамат сегодня зол и страшен.

Мясоед-коlobок уже почти подкатился к нему. Забор почти рухнул. Почти...

Не торопись, братишка. Выверяй и просчитывай наперед. Это как шахматы. Или очко. Только интереснее, ставки куда больше. Твоя жизнь... да и не только твоя.

Дах!

Первый патрон справился с полненьким любителем человечинки. Перебил ему ногу в колене, правую, бросил как раз к разлетающимся жердинам. На фига? А вот так, товарищ прапорщик, гордитесь курсантом.

Колобок дальше не побежит. Живой ты, воскресший или сразу родившийся мертвяком, фиолетово... когда ноги нету ниже колена. А еще бешеный жирный проглот сейчас свалился как раз на пути сотоварищей из-за уже падающей ограды. И вот тут...

Дах!!

Вторым стволом – в голову зубастого живчика, стартанувшего к теплому мясцу, вооруженному обрезом. Получи, оглоед, боло, срезавшее половину башки... И падай, падай, гнида... Лети назад, сбивая остальных. Вот так, валяйтесь, выбирайтесь, ломайте друг друга, желая пожрать.

АК Уколовой трещал впереди. Азамат пробежал уже по совсем мертвым теткам в стареньких пальтишках. Не смотрел, не запоминал мелочей. Нельзя. После Беды всякое случилось, а человек внутри страдал, рвалась душа, не желающая мириться с творившимся. И поди, убеди-ка ее не думать о погибших женщинах, убитых женщиной ради жизни – своей и совсем молоденькой женщины. Да даже и его, мужика-сволочи, убивца с таким хвостом забранных жизней за спиной...

Впереди, совсем близко, виднелись серые и кривые, черт пойми как державшиеся, столбы железки. Почти добрались, почти... Если есть куда добираться. Но не объяснять же девчонкам простую вещь: воевать с надеждой куда проще, чем без нее.

Холодило все сильнее. Снег, падающий какое-то время незаметно, попер гуще. Не снег, даже не снежище... Нет.

Азамат сам не понял, когда крохотные искрящиеся льдинки превратились в легкие белые хлопья, а те, не успев он моргнуть, мутировали в липкую стену, растущую на глазах. Черная небесная сука рожала все быстрее. Акушер-ветер старался, помогал, хлеща холодными плетями, распарывая клубящуюся брюшину бури.

Позади справились... Выли, неслись за ними, как ошпаренные... Или как легавые, погнавшие зайца. Зайцем Азамат становиться не хотел.

Заскрежетало особенно сильно. Стоявший на перекрестке «уазик»-«буханка», ржавый и сжавшийся внутрь, дергался... Азамат, смотря на него, остановился. Торопливо перезарядил, прикидывая – чего ожидать?! Не может же машина стать... существом с руками и ногами. Это ж бред...

Стекло, чудом сохранившееся, отлетело от удара изнутри. Взревело, наружу полезло что-то огромное, заросшее длинными волосами и бородицей. Азамат покачал головой, не стал тратить патроны, предпочел обежать. Вдруг пронесет?...

Замаячило здание станции. Уколова оглядывалась, ждала подсказки: куда, как, зачем...

Грохнуло одиночным. Впереди. Со стороны еле заметного белого пакгауза на путях. Мастерской или депо, чего-то такого. Стреляли оттуда. Подавали сигнал. Азамат кивнул старлею, мотнул туда головой. Да, не подвела чуйка, вывела куда нужно. Надо торопиться.

Из-за снежной стены, разносимой ветром и тут же вытягивающейся вновь, ревели и выли. Сколько голов злобного безумного зверья там? Больше, чем было еще пару минут назад. О, вот и первый... Стоило стрелять сразу. Пожалел сухих патронов. И вот, получите...

Огромный бородач с серым изъеденным лицом не отставал. Пер танком, разбрасывая мусор на привокзальной площадке, в труху разнеся остатки невысокого заборчика. И молчал. Проревевшись, выползая из машины-дома, молчал. Страшно и неумолимо пер позади. И догонял.

Те-то, за снегом, выли и орали. Этот упорно шел следом. Патроны у Уколовой почти закончились, а с обреза на таком расстоянии не особо постреляешь. Задерживаться не стоило. Пути уже виднелись впереди.

Сбоку, с треском обрушив ветхий забор, выскочили три пса. Тощие, злые, почти лысые, мутноглазые... И очень голодные. Азамат выругался.

Белое здание впереди манило к себе. Теперь-то точно казалось, может, и зря, что там спокойно и можно укрыться. Отдохнуть, переждать, высушиться. Глупость, что и говорить. Добежать бы сперва...

Но без таких глупостей порой куда тяжелее. А с целью хотя бы хочется двигаться, а не покорно ждать судьбы. Особенно мерзкой судьбы с клыками в палец длиной.

Данг! Первому псу разmozжило голову пять сорок пять. Разнесло в лохмотья, оставив только огрызок с нижней челюстью.

Дах! Азамат сбил второго, влепив картечь в разинутую крокодилью пасть.

Данг!.. Третья тощая тварь увернулась в последний момент, прыснула в сторону, скакнула по-лягушачьи, почти добравшись до Даши.

Уколова подставила заткнувшийся АК, зубищи клацнули по цевью, хрипнула голая кожа шеи, ходуном задергались мускулы... Азамат выпалил последним зарядом по бородачу.

Влепил неудачно, оскользнувшись на замерзшей грязи, промахнувшись из-за липкого холодного комка, брошенного ветром. Попал в живот, разворотил, выпустив наружу черноту вместо алого. Но здоровяк все же упал, хрипя, задергался, размахивая руками-ногами, начал вставать...

Данг! Уколова заорала, когда остатки разлетевшейся собачьей башки липко чавкнули ей по лицу. Стрелок из пакгауза, стоя у крохотной калитки в стальных воротах, стрелял опасно. Очень опасно для старлея. Но попал. И разбираться стоило потом.

– Вперед! – Азамат поднял Уколову, толкнул, судорожно ища на поясе патроны. Кармашки оказались пустыми. Он зацепил один-единственный почти с поясницы, вставил, чуя, как немеют пальцы. Холод звенел все ощутимее. И плевать Беде на валящий с неба снег. Должно потеплеть? Хрена. Ловите мороз.

Белая круговерть закрыла все. Весь окружающий их мир. Вернее, мир сжался до пяти, не больше, метров, где еще оставалось немного других цветов.

– Эй, бедолаги, туда не ходи. Там вашу мала-мала кушаньки будут! – донеслось из-за снежной толщи. – Сюда ходи, здесь тепло.

Твою мать, он что, слабоумный?!

«Такое разное прошлое: хозяйка счастья»

Счастье – очень простая штука. Настоящее счастье заключается не в лазурном покрывале океана да белом песке и коктейлях в стаканах муранского стекла с трубочками. Совсем не в кофе в постель после страстной ночи и пяти оргазмов. Абсолютно не в новеньком внедорожнике без кредита и в деньгах. Совершенно нет. Это лишь надстройка, и у каждой отдельной личности она своя.

Обычное счастье банально. Встать утром из сухой постели в теплой комнате и сунуть ноги в тапочки. Умыться горячей водой сразу из крана. Открыть холодильник и достать оттуда пакет с молоком, масленку, любимую колбасу или сыр. И, куда важнее, сделать все это в здоровом состоянии и без боли. Любой, от суставов с зубами до реакции на погоду за окном.

Ноющая, впивающаяся дрелью и стучащая дятлом в висок, разрывающая голову килограммом тротила. Твою мать... И счастье тут заключается только в маленьком кругляше таблетки. И в томительных минутах ожидания. О, да у вас нет ничего? Ай-ай-ай, так нельзя.

Хозяек счастья, совершенно не пахнувшего лекарствами и аптекой, рядом с моим домом несколько. Но Айсылу стоит отдельно. Единственная, кому хочется улыбнуться и с кем хочется поздороваться не из вежливости.

Лунолика – это, типа, почти насмешка. Мол, лицо плоское, и все такое. Кому как. Айсылу это определение подходит прямо как нельзя лучше. Не нужно смотреть на бейдж, чтобы понять, чем занимались ее предки. Они кочевали. Айсылу работает провизором. Остро-кареглазая, с черными выгнутыми бровями-луками, всегда улыбающимися губами и крохотными ямочками на щеках.

Ей уютно идет белый форменный халат. Белизна оттеняет туго заплетенные или густо спадающие черные волосы. А крохотные веснушки делает заметнее, и оттого их хозяйка становится милее и уютнее. У нее очень аккуратные маленькие руки. Они спокойно и не торопясь делают свое дело и так же спокойно показывают ханьгам на дверь, если те не понимают спокойных слов. Ее беспредельное спокойствие утихомиривает даже парочку совершенно настоящих психов со справками, регулярно чего-то добивающихся в аптеке.

Точно так же, плавно и без суеты, Айсылу движется по своему маломерному дворцу счастья для страждущих и больных. Невысокая, широкобедрая, чуть полная и очень гибкая, она, само олицетворение азиатских богинь плодородия, мягко скользит по плитке за пустышками, бутылочками, памперсами для взрослых и, в нашей аптеке почему-то редко, презервативами и смазкой. Наверное, в соседних домах смущаются показывать наличие личной жизни.

Глава 3

Белая смерть черной ночи

Самарская обл., с. Кинель-Черкассы

(координаты: 53°27'00" с. ш., 51°26'00" в. д., 2033 год от РХ)

Азамат убрал руку с обреза только после скрипа тяжелого засова, прочно легшего в пазы двери. Спустя пару секунд с той стороны в нее кто-то врезался. Сильно и жадно. И что-то даже высказал с помощью рыка, куда как больше подходящего медведю, чем человеку. Пусть и не похожему на нормального.

Бах! Бах! Сталь ворот гудела от живого тарана, бившего снаружи. Бах!!

– Хреново быть такими ядерно-неудержимыми дебилами... – спаситель понюхал стволы двустолки. – Но без них порой скучно. А так... сплошное удовольствие в виде адреналина и запаха пороха. Черт, это же так возбуждающе.

– Что? – Даша хмуро смотрела на него. – Что возбуждающе, кровища и смерть?

Бах! Бах! Не живые и не мертвые живчики явно решили действовать количеством, атакуя вход.

– Разве нет? – поинтересовался человек с ружьем. – Разве после такого жизнь не ощущается ярче и полнее? И, что куда важнее, ценнее... Нет?

Глупый момент для таких рассуждений, но крыть было нечем.

– То-то... И запах пороха, спасшего ваши жизни, не может не будоражить. Не желаете нюхнуть, красавица?

Старлей, непонимающе уставившись на него, даже покрутила головой. Не обнаружила никаких других красавиц, но не ответила.

– Откуда бредете, бедолаги?

– От реки, – буркнул Азамат, – с Отрадного.

Смысла врать не видел. Так даже лучше. Если странноватый чудак – человек Клыча, может и проявиться. А такого и убивать не жалко.

Ответ тому явно понравился, во всяком случае, головой мотал очень даже одобрительно.

– Да вы, как посмотрю, отмороженные по самое не балуй... Красавцы-ы-ы!

Да уж... Но стоило и поблагодарить. Азамат кашлянул.

– Рахмат.

– Костыль.

Азамат непонимающе уставился на него. Точно, больной на голову. Потом понял...

– Спасибо, говорю, по-башкирски. Я – Азамат. Для друзей – просто Пуля.

Человек кивнул. Поднял кожаную плотную маску с вшитыми металлическими очками. Стянул вторую, шерстяную, закрывающую лицо наполовину. И повторил:

– Нэзэчт, типа, как у нас говорят. А я – Костыль. Для друзей – просто Игорь. Но мы-то с вами точно не друзья.

Худое, если не сказать – тощее, лицо. Сивые тонкие волосы вспотели, торчали гнездом. Щетина тоже казалась светлой.

– Женя, – Уколова сплюнула, потрогала нижнюю челюсть. И кивнула куда-то на левую руку сивого. – Ты так свои политические взгляды показываешь всему миру? Воля або смерть? Анархист-махновец, да? Ну, думаю, явно не пират, морей и пиратских бригав под черным флагом с такой картинкой тут нету.

Азамат покосился на черный круглый шеврон, украшенный черепом и костями. Старлей умела работать по своей профессии, вычисляла криминал и опасные элементы сразу, наплевав на усталость и безумных людоедов на улице.

– Хо, – тощий ухмыльнулся, криво и крайне паскудно, – так и есть, красотка. Весь я, как есть, насквозь пронизан верой в свободу. Всех и от всего. И помогаю, как могу, другим приобрести такую же веру.

– Да ну? – Уколова тошему не доверяла. Как и ствол ее АК, поднявшийся незаметно и споро. – Хорошо еще, про мировую революцию и черное знамя не завернул.

– Анархия – мать порядка, милаха... – ухмылка стала еще жестче, – хаос – порядка отец.

Даша вздрогнула, глядя на него. Уколова сглотнула, заметно побелев и положив палец на спусковую скобу. Азамат сплюнул. Это ж, мать его, просто это... ну, как его... дежавю. Точно, именно так. Анархист, бандюга, наемник. И где такой недавно встретился каждому из их тройки?

Пусть и внешне не похож. Длинный, тощий, сивый. Глаза блестят серым наглым полубезумием, зубы все целые, видно, мастак по щам раздавать. С таким-то языком, наверное, постоянно приходится с кем-то цепляться.

Старая, залатанная, но надежная кожанка. Теплые брюки «вудленд» с накладными карманами. Высокие ботинки на шнурках и крючках, с заправленными в них меховыми чулками. Выцветшая черная толстовка выглядывает из-под куртки капюшоном. Перчатки-самоделки, отделанные металлом и с чем-то мелко-кольчужным с внутренней стороны. На португее, затянутой на последние и самодельные дырки, нож, пара подсумков, фляга и сумка с противоголозом. Шерстяную маску Костыль спустил в самом начале разговора, блестя сахарными целыми зубами и серебристой негустой щетиной.

Опасный, палец в рот не клади. Задень словом, так обложит матерком с прибаутками – полдня отходить будешь. Задень чем другим, так успевай, следи за собственными костями. Опасный. Хищный. Злобный. Вот такой вот неожиданный спаситель. Костыль, надо же.

В темноте закашлялись. Азамат шагнул вперед, одновременно с щелчком курков. Что тут у нас... У Костыля? Баба, ну да, так и есть. Натурально, тетка.

Женщина жалась в углу, испуганно блеснула глазами. Ее страх пах грудным молоком. Сверток у нее в руках – одеяло и какая-то мешковина – не шевелился и не пищал.

– Встретил, когда сюда бежал, – Костыль кивнул на нее. – Пришлось помогать. Нельзя же проходить мимо нуждающихся, сирых, убогих, женщин с детьми и инвалидов, правильно говорю?

Уколова, неожиданно ставшая прямо-таки объектом внимания товарища-анархиста, не ответила. Подошла, не убирая за спину АК, стволом качнула на сверток. Женщина сжала губы, прижав его к себе.

– Покажи.

Азамат, сместившись вбок, следил за Костылем. Если там такая же дрянь, как снаружи, только маленькая, а Костыль в курсе, и тогда вопрос – зачем их спас, то... Стоит подготовиться.

Сивый никаких эмоций не проявлял. Даже наоборот, чихать на бабу хотел, как и на ее чадо. Женщина откинула одеялко. Малыш как малыш. Даже розовый, несмотря на холод. Сопит, чмокает. Уколова кивнула, отходя.

Ворота продолжали гудеть от монотонных толчков с той стороны.

– Упорные, сволочи... – Костыль сплюнул. – Их-то энергию – да в мирное русло.

– Это как? – поинтересовалась Даша, смотря на него как-то очень дружелюбно.

– Ну, чудесный ребенок...

– Я не ребенок.

– Все мы чьи-то дети, а лет тебе не так и много. Но как хочешь... Хочешь, буду называть тебя лапушкой?

– Нет.

– Куколкой?

Даша явно начинала злиться.

– Хрен с тобой. Думаешь сделать приятное, комплимент отвесить, а на тебя зыркают, как на врага. Женщины, чего с вас взять. Все не так и все не то, сам догадайся, что там в голове крутится. Согласна на зайку?!

– Даша, угомонись, – Уколова огляделась, подтянула старый скрипучий табурет, села. – Он смеется. Не особо дружески, но все же просто смеется. Слушай, Игорёша, хорош над девочкой шутить. Не галантно ни хрена.

– Какие куртуазные обороты речи, красавица. Только за-ради вас готов называть ее просто девушкой.

– Я просто Дарья.

– Именно Дарья?

– Да... Игорек.

Тот хохотнул.

– Я смущаюсь, девчата. Называйте меня Костылем. Это же круто звучит, не находите?

– Вот ты трепло, – не выдержала Уколова, – все уши лапшой завешал. И ни фига не сказал, что обещал. Настоящий мужик, врун и пустомеля.

– Это ты о чем?

Уколова хмыкнула.

– Как их энергию – да в мирных целях использовать?

Костыль пожал плечами.

– Да проще простого. Берем огромные колеса по типу беличьих, привязываем перед ними живого младенца, желательно некрещеного, сажаем в колесо пару-тройку таких блаженных разумом людоедов – и пусть бегают. А энергию – в провода и на освещение.

Уколова кашлянула. Помолчала. Посмотрела на Костыля. И поинтересовалась:

– Ты давно с людьми общался вообще?

– Заметно, да? Очень давно, неделю назад.

– Ну да... Заметно. Ты, если за день человека три из себя болтовней не выведешь, день зря?

– Прямо с языка сняла. Ладно, потрындели – и хватит. Нервы расслабили заодно.

Азамат даже согласился. Глупо или нет, а тяжесть, навалившаяся в селе, отпустила. Сивый не так прост, ни разу не рубаха-парень, как кажется. Ухо с ним остро держать, и больше никак.

– Надо валить отсюда, – Костыль покопался на столе, добротном, старом, крепко сбитом. Извлек откуда-то примус. Самый настоящий примус и запас керосина к нему в большой стеклянной бутылки. Запах не обманывал, именно керосин. К примусу.

– Насчет валить ты прав. Только... – Уколова, совершенно точно вспомнившая, что она есть полноценный старлей СБ, опять включила следователя. – Откуда у тебя продукт добычи и перегонки углеводородов, то есть керосин? И работающий примус, а? Не подумай чего плохого, но слишком много странного за день случилось. И еще – на кой черт ты его зажег?

Азамат шмыгнул носом и снова не убрал обрез. Костыль, покосившись в сторону обреза с Азаматом, цокнул языком. И показательно щелкнул предохранителем откуда-то появившегося ТТ, смотревшего на Пулю из-под полы кожанки.

– Прямо цугцванг какой-то...

– Это детский мат, – Уколова положила АК на колени, направив на Костыля. – Вот так.

– Я весь в ужасе, моя госпожа, – фыркнул Костыль. – И знаете от чего? От человеческой неблагодарности. Не я ли только что спас ваши жизни, не стоящие даже вашего же имущества, во-о-он от того?!

Куда показал палец, было ясно без самого жеста.

Ба-бах!!! Ворота уже не только гудели. Они чуть похрустывали удерживающими их штырями и кирпичами, держащими сами штыри.

– Яркое подтверждение моих слов, не так ли?

Азамат цыкнул слюной, убирая обрез. Уколова, помедлив, поставила автомат рядом, прилонив к стене.

– Чудесно, – Костыль примостил на примус котелок, налил воды из пластиковой бутылки. – Если никто не против, то отвечу на вопросы. Пользуясь, само собой, исключительно литературным и красивым русским языком. Да, неделя для меня... это очень много. Придется потерпеть.

Ба-бах!!!

– Не дрейфь, красавица... – Костыль поправил котелок. – Металл и стена выдержали войну, двадцать лет всякого дерьмища типа непогоды, и сейчас еще простоят.

– Еще?

– Ориентировочно около часа. С поправкой... плюс-минус десять минут. Нам хватит времени.

– На что? – Азамат уже стоял рядом со стонущим металлом. Судя по ударам, снаружи толкались все, не успевшие к основной раздаче. И много.

– Поболтать, само собой. Чаем полакомиться с джемом. Собрать скудный скарб. И выехать к едрене фене отсюда нахрен!

Так... Азамат посмотрел на него и вокруг куда заинтересованнее.

Больше всего в «вокруг» привлекли рельсы, упирающиеся в ворота – близнецы трясущихся от напора голодающих сельчан. И что-то длинное и высокое, накрытое брезентом, стоявшее ровно посередине пакгауза.

– Дрезина?

– Она самая, мой первый встреченный башкир. Или башкирин?

– Башкир, – Азамат кивнул мыслям. Дрезина – это хорошо. – Черт с тобой, трещотка. Откуда джем?

– Из армейских сухих пайков со склада длительного хранения. Природная низкая температура творит чудеса. Чай оттуда же. Приятная просто Дарья когда-нибудь пила настоящий чай? Судя по всему... нет. Со скарбом все просто. Мой уже внутри нашего Джаггернаута... Э-м-м, Джаггернаут, моя просто Дарья, это страшная колесница из индийского эпоса. То ли «Рамаяны», то ли «Махабхараты», не помню точно.

– Я согласна заняться чем угодно, даже отказаться от чая... – Уколова вздохнула. – Лишь бы ты помолчал. Хотя бы немного.

– Ай, как невежливо. Так вот, вновь обретенные попутчики, скарб ваш, смотрю, уже собран. У бабы Женщины, не желающей раскрывать своего имени, его нет в принципе. Так что нам остается провести около получаса за чаем, что скоро будет готов, и приятной беседой. Повторюсь, убедительно прошу и даже требую общаться красиво и правильно. Ведь, подозреваю, каждый из нас виртуозно владеет матом. А вот его не хочется. Каждый... ну, возможно, кроме просто Дарьи.

Даша сплюнула. Показушно, через зубы, очень этак сурово и почти круто. И почесала бедро.

– Ну да, о чем я... – Костыль поставил на стол два зеленых пластиковых прямоугольника. – Угощайтесь, дамы и Азамат. Черт, совсем забыл простую вещь – какова сегодняшняя молодежь. Прошу прощения, приятнейшая просто Дарья, ошибся. Полагаю, что даже смогу почерпнуть у тебя что-то новое, пополнив свою копилку таких некрасивых и, одновременно, таких нужных емких, хлестких и ярких выражений.

Он замолчал ровно на необходимое время для заварки чая и создания кулинарного шедевра из сухой и твердой, прямо как старая сапожная подметка, галеты и джема, больше всего похожего на подсохшую смолу. Видно, натуральная низкая температура не справилась. Или склад оказался не той системы.

– Ладно, – Костыль посмотрел на Азамата. – Дело-то швах. С такой бурей столкнулся как раз неделю назад, рядом с Бузулуком. Она сейчас чуть утихнет, а потом саданет так – откопаться не сможем. А экскаваторы сейчас тут не водятся. Ни дикие, ни домашние. Надо выбираться даже не столько из-за тех уродов за воротами, сколько из-за снега. Пути заметет серьезно, не прорвемся. Пока накидало сантиметров пятнадцать, и сейчас там теплеет.

– Теплеет? – не поверила Уколова.

Азамат тронул ее за плечо и показал на потолок. Тот слезился капелью, а раз так, то там и впрямь потеплело. Не с чего таять снегу без солнца.

– Именно так... – Костыль отхлебнул из кружки. Покосился на довольно пьющую взвар со всем имевшимся сахаром Дашу. – Невоспитанная пошла молодежь, даже спасибо не скажет. Ладно... Так вот, штука такая. Эти там – тупые, на самом деле очень тупые, крандец как. Услышать открывающиеся ворота – услышат, не сомневайтесь. Но мы успеем. А делать все это надо уже почти вот-вот. Допиваем чай, дорогие гости, и делаем ноги. Я ж все-таки, если вспоминать прошлое, гуманитарий. Ошибся в расчетах с кирпичами, тварюги будут здесь уже минут через пятнадцать.

– Твою за ногу... – Уколова покосилась в сторону треска, хруста и лязга. – Весь мозг засрал и потом через уши выпил... И толку?

– Черт, кареглазка, теперь просто обязан спасти такую трепетную деву... Вы пожертвуете мне свой платок? Повяжу его на локоть и дам обет не стричься и не бриться, пока не прикончу несколько самых отпетых мерзавцев округи. Теперь я навеки ваш сраный рыцарь Айвенго.

Уколова вздохнула. И начала заниматься рюкзаком. Азамат занялся Дашиным АК, вернее, своим. Насколько смог заняться.

– Шиш чего выйдет, – прокомментировал Костыль, – без инструментов. Затвору хана.

– Хана, – согласился Азамат. – Плохо. Женья?

– А?

– Забери магазины. – Азамат перевернул пояс со спины на живот. О, хорошо. – Так... у меня патронов пять всего.

– Поделюсь, – Костыль усмехнулся. – У меня целых пятнадцать. Дорога вряд ли выйдет простенькой, и популять на ней придется. Побабакать и пошмалять... Обожаю это дело. Так... С маслом там все в порядке. Но есть проблемка.

– Какая? – Азамат покосился на дрезину.

– Если похолодает серьезно, боюсь, встанем и шиш когда сдвинемся. Примерзнет все.

Азамат кивнул. Баба в углу, наконец-то, ожила. То ли разговор все же слушала, то ли треск и кусок отвалившейся стены подействовал. Ворота ходили ходуном, адски скрипя.

– Ошизеть, силища у них. Хорошо хоть, скоро передохнут.

– Скоро? – Уколова повернулась к нему.

– Дня через три, думаю. Эти почти свежие, суток... трое как раз. С бешенством долго не живут.

– Долго не живут без горла, – Азамат вспомнил девчущку.

– Э-э-э, братишка, не будем спорить. Но я тут сию как раз трое суток, как это все началось. Все живые были, никто из мертвого лежачего состояния не перешел в мертвячье бегающее. Ты чо, в сказки веришь страшные?

– Ладно. Говоришь, надо все сделать быстро?

– Именно.

Да-дах! Ворота скрипнули, просев с края.

– Очень быстро, – Костыль скинул брезент.

Ох-ох... Ей бы в музей стоять, а не превращаться в спасение. Но деваться некуда.

– Скорый фирменный поезд «Мертвяково-Хрендоезженск» готов к отправлению... – Костыль кивнул головой на дрезину. – Пассажирам убедительная просьба занять места, не при-

стегиваться, готовиться вкалывать и всячески отрабатывать услуги нашей трансдеревенской железной дороги. Никаких напитков и закусок предложено не будет, ужин сторонних контролеров за ваш счет. Приготовьте к оплате имеющееся огнестрельное оружие и боеприпасы.

– Вот ты балабол... – выдохнула Уколова. – Обалдеть.

– Не балабол, моя милая кареглазая длинноножка... А краснобай.

Даша кашлянула, вытаращив и без того большие глазищи. Азамат покосился на нее. Надо же, снова как привидение увидела...

– Ручная тяга, так-то, хорошо. Механика и никаких заправок, – Пуля кивнул на открытую дрезину. Та совершенно не внушала доверия. – Точно на ходу?

Костыль хмыкнул.

– Уверен, мой друг мешеряк.

Пуля чуть наклонил голову. Трепач нравился ему все меньше.

Главное при быстром убийстве – отвлечь противника. Дать ему понять, какие, типа, ваши сильные стороны. И ударить, типа, со слабой.

Башкир не хотел его убивать. Незачем, опасно вокруг, лишние руки – не помеха. Особенно когда те – с транспортом и чем-то длинноствольным. Но переть против природы выходит не всегда. Был бы Азамат зверем, сейчас скалил бы зубы, пугая и вызывая на бой. Только он – не зверь. А куда хуже.

Рукоять топорика показалась теплой. После такого забега сложно остыть. Мешеряк, значит...

– Так... – Костыль мягко отодвинулся назад, выставил вперед руки. – Извини, не думал, что заденет. Есть предложение.

Пуля шевельнул бровью, не отрывая взгляда от тощего опасного нахала.

– Кишки будем выпускать потом, как доберемся. И если будет повод. Идет? А то у нас впереди сложный путь, очень сложный.

Уколова кашлянула, шевельнув стволом. Азамат покосился на нее. Молодчаги... Семьдесят четвертый она придерживала обеими ладонями. И те почти не тряслись.

– Давайте выбирать, – Дарья тоже кашлянула. – Здесь страшно.

– Там будет страшнее, – ласково пообещал Костыль, – в ту сторону местные пешком не ходят. Их там жрут.

– Как?

– Молча. И изредка порыкивая, полагаю. Волколаки.

Азамат шмыгнул носом. Плохо дело. Если правда, конечно...

Да-а-ах! В дырке, осыпавшейся кирпичами, вполне можно было рассмотреть серое небо и еле падающий снег. Если бы не урод с бородой, неожиданно оживший и прущийся вниз.

– Верно, проблемы надо решать по мере их возникновения! Обратите внимание, мои неожиданные попутчики... – Костыль, взведя курки, быстро оказался рядом с проломом. Бородач рыкнул и рванул вперед, вытянув руку. И застрял.

– Так вот! – Костыль поднял дустволку. – Если бы сюда пролез вон тот песик, было бы хуже. А так мне впору сказать тебе спасибо, мой незнакомый недавний друг с бородой. Я мысленно буду называть тебя Санта-Клаусом. Прощай, память о тебе будет со мной вечно. И еще, милый друг, данке шён тебе от души, за затычку в виде себя самого. Шиш кто сюда пролезет.

Бах! Великан повис, обмякнув. Борода из рыжей стала багрово-черной. Остатки серого вязкого мозга потекли вниз.

– Вот теперь, дамы и Азамат, валим!

Дрезину не катили. Уколова и Дарья взялись за рычаг, начав его раскачивать. Костыль и Азамат хрустели запорами вторых ворот. Женщина и ребенок сидели в стальном коробе и не отсвечивали.

Им повезло. Стрелять не пришлось. То ли твари оказались тупее, то ли сделали все быстрее. Разгоняя дрезину, оба пробежали с десятков метров. И только потом запрыгнули, сменив девчонок.

Раз-два, раз-два... Войти в ритм сложно. Такую работу никто не делает постоянно, к ней не привыкнешь. Раз-два, раз-два, навалились!

Вой и крики затихали, отдалялись. Дрезина вышла на прямой участок рельсов, убежавших в черноту ночи. Серая мгла поверху снова клубилась темными непроглядными клубами. А снег, вроде бы утихший, повалил сильнее. Разом и густо. Липкими огромными комками, тут же начавшими расти даже на разогнавшейся тележке и ее седоках.

Раз-два, раз-два... Вверх-вниз, вверх-вниз!

Белая стена редела. Чернела сверху, порой даже блестела звездами. Ветер бил наотмашь, вгоняя внутрь попытки перекричать его. Пар от разгоряченных людей рассеивался тут же. Лишь чуть сверкали кристаллики изморози на плечах и руках.

– Маски на рожи!

Костыль перекинул рычаг Даше, полез в сумку на боку. Заскрипел соединением, вкручивая бачок прямо в свою маску.

– Не фнаю, как холод дейфтфует. Гофоят, оф мефной дфяни кифки выблефыфаеф, – сухо изложила маска, качая бачком. – Одефайте!

Азамат не спорил. Молча нацепил старенький ПМК, вкрутив бачок, выданный Лесником на прощание. На Дашу маску нацепила Уколова. И замерла, глядя на тетку с ребенком.

– Надефай! – хрипнул Костыль. – У тефя тофе ребенок ф софой. Кто ей про пифя ф пифю раффкафет, она?!

И кивнул на бабу Женщину, злобно зыркавшую на них.

Так-так-так, секунда за секундой, смерть где-то рядом. Ну, старлей, ну?

Выбор есть у каждого. И у каждой. Жалко мать с ребенком? Жалко. Только подумай головой, прикинь, знала ли она о таком варианте? Знала. Она здесь жила. И даже удирая, могла взять с собой что-то нужное. Могла и не взяла. Ну же, Женя, не глупи, не надо благородства. Не оценит. Старлей!

Уколова подняла противогаз, почти протягивая бабе Женщине.

– Тфафь! – рывкнул Костыль. И щелкнул курками. – Уфью!

Уколова замерла. Азамат выругался.

Откуда-то из самых глубинистых глубин тряпья, надетого на нее, появился хобот, маска и крохотный респиратор. Азамат дернул шей, явственно ощущая, как чешутся руки. Так и тянутся за пояс, к приятному изгибу топорща.

Уколова надела маску. Устроилась удобнее, стараясь следить за тылом. Противогаз никак не защитит от клыков с когтями. А места здесь... и впрямь стали страшными, дикими, опасными.

Снег летел все быстрее и быстрее. Как и их железный Росинант, скрипящий и стучащий узлами суставов. Но так лучше, чем пешком. Опасаться крушения не стоило. Это знал даже Азамат. Хотя и бывал тут всего ничего.

Похвистнево взялось за дело сразу, как стало проще дышать. Слаженно, жестко, без рассуливания. А как еще?

Про пути Пуля слышал. Стальные артерии восстанавливали лет пять. Восстановили как раз сюда, дальше пока не пошли. С ужасами, гнездящимися в Отрадном, в одиночку похвистневские справиться не смогли. Потеряли состав и двадцать человек у Алтуховки. Чересчур дорогая цена за сомнительный куш в виде остатков добра на нескольких заводиках и наверняка выпотрошенных складах.

Но пути хранили, как зеницу ока. Наказание за вредительство было ясным и доходчивым: нарушитель приматывался к рельсам тросами. И так и оставался. С подрезанными сухо-

жилиями и вырванным языком. Место для казни выбиралось подальше от людей. Чтобы точно не спасли.

Так вот и жила себе стальная дорога, хранимая болью, страхом и правосудием, стоящим на неотвратимости наказания. Жестоко, но справедливо.

Потому сейчас они могли не еле-еле катиться, метров по пять в минуту, а почти нестись, около десяти километров, не меньше. Солидно...

Что-то поменялось. Неуловимо, ощущаемое лишь постоянно напряженной интуицией. Скорость не упала. Ветер так же нес снег. Небо еле виднелось вверху. Костыль сопел через респиратор. Скрипел и звонко стучал старый металл тележки. Но что-то ощутимо поменялось. Стоп...

Снег остался позади. Снег растекался поверху, мягко обволакивая неровный полукруг над их головами. Пропадал в темноте, набрасывал черную непроглядную вуаль. Снег уходил в стороны... Что за?!

Кх... кх... кх...

Грудничок кашлял. Редко, чаще, не переставая. Пят'ак!

Костыль что-то заурчал, навалился сильнее. Ну да, давай попробуем хотя бы так.

Раз-раз-раз... До «два» дело не доходило, дрезина скользила вперед, как на крыльях. Азамат даже удивился. Не смахивал Костыль на доброго человека. Их спас, только чтобы на тележке этой удрать. А тетка? Чего ради он так убивается, пар вон так и прет, не сдуваемый ветром?

Дрезина перла в странной воздушной кишке. Сюда не пролезали вихри, бушующие где-то за невидимой преградой. Снег, размазываемый ими, собирался в невесомые сугробчики вдали, под деревьями. А они неслись через кусок умершей земли, решившей убивать всех, забредающих на него. Ребенок кашлял. Металл скрипел. Баба начала подвывать, ощутимо слышимая через свой и чужие слои резины, кожи и металла.

– Нафмем! – Костыль хрипел неразборчиво, явно стараясь дышать через раз. Подвела его собственная защитная конструкция. Значит, не катался он здесь раньше и пешком не мерил километры. Просто знал... знал... откуда-то... Так же, как и Азамат. В прошлый раз караван, шедший от Отрадного, пронесся мимо села по остаткам автотрассы. Туда эта погибель точно не дотягивалась. И все казалось байками да трепом у костра. А обернулось правдой.

Нажмем, значит? Азамат поднажал еще. Плечи, руки, ноги, спина гудели и орали болью. Терпи, братишка, не впервой. Терпи.

Кхкхкхкх... Грудник не замолкал. Его мать выла. Даша съежилась, сжалась почти на самом дне, совсем не напоминая саму себя у Отрадного. Тогда Азамат ее боялся... Сейчас опасался за нее. Пят'ак, поднажмем! Хорошо, за старлея переживать так сильно не стоит... Уколова зажимала противогаз у самой шеи и, совершенно невозможно, смотрела на Азамата дико испуганными глазами.

Кх...

Азамат кашлянул. В груди, царапая сотней кривых заноз и крючков, расплзлось ледяное пламя.

Кх... кх...

Кашель рвал грудь, мешал качать рычаг, мешал думать о чем-то...

Кх... кх... кх...

Пот сыпал по спине ливнем. После новых рывков и собачьего гавкания из груди стекла маски потели все сильнее.

Кх... кх... кх...

Алое застилало глаза. Внутри Азамата уже не хрипело. Булькало, закипая самой кровью. Горячей, пылающей в содрогающихся легких и горле, рвущейся наружу.

Кхххх...

Снежинка упала прямо на стекло маски. Красивая, хрустально-нежная снежинка. И растаяла, сменившись своей сестренкой, и еще одной.

– А-а-а! Кхххх... Да-а-а! – радостно завопил Костыль. – Выбфалифь!!

Выбрались? Азамат поднял голову, взглянув на небо.

Небо ярилось заново. Густело черными дирижаблями туч, набухающих снежными батальонами и взводами. Мягкая разведка сменялась алмазно-острой атакой ледяным крошевом. Налетевшая эскадрилья северных безжалостных ветров разметала его, перекрутила, смешала с мокрыми десантниками липких огромных хлопьев. Зима воевала с осенью, жадно заглатывая куски земли, вот-вот принадлежавшие сестре.

– А-а-а-а-а!!! – Костыль содрал маску. Шумно и влажно выдохнул, выбросив сопли и пар, смахнул пот, блестящий на лице дождевыми разводами. – Как же охренительно снова выжить! Это, мать вашу, даже лучше сочной бабы второго срока молодости... А уж это, братишка башкир, еще тот восторг!

Уколова рассыпалась истерикой и смехом. Обращать внимание на слова сивого балабола уже не хотелось.

– Не останавливайся, землячок, качай-качай! – Костыль покосился на бабу с ребенком. – Живой?

Та с ненавистью кивнула головой.

– Не, ты видал? – после респираторов и резины голос из-под маски доносился ощутимо яснее, прям каждый звук слышно, – видал? Ни фига не делает, спасена и недовольна. Вот подлая бабская натура, все ей должны. Что ты, что я!

Азамат не ответил. Хотелось всей грудью, да чего там... всем существом хватать холодный воздух, не рвущий грудь и даже кишки, не отдающий плесенью складов и пылью резины, давиться, но вгонять его в себя, глоток за глотком. А нельзя... Запалишься, как коняга рабочая после дороги, и все. Сляжешь в горячке, да сам по себе легкие и выхаркаешь, без какой-либо непонятной аномалии. Рентгенов тут давно не встречалось, химзаряды выветрились давно, значит... Значит, точно аномальная хрень, и все тут.

Хотелось остановиться. Передохнуть. Расслабить налившиеся мышцы, тяжелые, как чугунные чушки. Но нельзя. Стоит чуть отпустить самого себя – и потом станет сложнее. И... Азамат выругался. Так, что Даша вытаращила на него глаза. А уж ее-то, после скитаний в Кинеле и трущобах у городка, удивить сложно. Только извиняться некогда. Надо гнать и гнать...

Костыль понимающе оскалился. И навалился на свою половину рычага.

Раз-два, раз-два, металл стучал и скрипел. Дрезина, толкаемая мускулами, разогналась. Неслась под горку, несла людей, вновь спасающих собственные жизни. Сквозь ночь, ставшую ледяной и белой. Через холод, воющий ветром. И не только ветром.

Крыложоры, водяные, редкие черносмерти... Дети Беды страшны. Опасны. Так и есть. Только вот люди за двадцать лет забыли кое о ком. О враге с тысячью лет опыта и страшном не меньше, чем мутанты, эта отрывка умирающей планеты. И зря.

Беда щедро одарила многих разным. Этому врагу Беда подарила чуть больше сил, выносливости, размеров, скорости... Всего по чуть-чуть. Но этих «чуть» хватило.

Звезды сверкали не только в неожиданно очистившемся небе. Звезды блестели по бокам и чуть позади отчаянно скрипевшей дрезины. Прорываясь через редкую снежную стену, звезды глаз мешали свой вой с ветром. Вой стаи, идущей за добычей. И не отстающей.

Волки ядерной зимы не желали отпустить сладкое человеческое мясо. Они шли по пятам. Не волки даже, волколаки.

Светлые, ловкие длинные тени. Уколова, совершенно точно злясь на себя из-за почти пустых магазинов, не стреляла. Рано, глупо, бесполезно. Азамата так и тянуло ее похвалить.

Этих он знал, видел, почти встречался. С точно такими же, длинными светлыми ночными тенями. На оставшемся куске трассы от Октябрьского до Новой Уфы. Несколько лет назад. Он и еще с десяток наемников вели караван с Бавлов. Еда, трудовые ресурсы в виде проштрафившихся сельчан, кожи, пара тюков с беличьими шкурками. И даже мед. Все было как сейчас. Ночь, снег, вой, ветер... Только звезд и близко не виднелось.

От каравана дошла половина.

Волк – существо благородное. Волк лучше человека. Волк...

Азамат ненавидел волков. И не фантазировал про них. Волк – это смерть.

Он чует тебя за километры. Он тише тебя, когда хочет. Он охотится стаей, а волк-одиночка – просто больная, злобная тварь. Волки – это страшно.

Белые тени неслись в кромешной темноте. Белые зимние волки Беды, никогда не водившиеся здесь. Смерть на осторожных сильных длинных лапах. Блестящая застывшими снежинками на густой плотной шубе. Сверкающая едва заметным серебром прячущейся луны в черных глазах. Отсвечивающая слюной на длинных клыках темных пастей.

– Качай, качай, Пуля! – орал Костыль. – Не попадешь в них!

Да ладно...

Уколова все поняла без слов. Вздохнула, посмотрев на свои руки. И, рывком, оказалась на месте Азамата. Перехватила рычаг, не дав дрезине замедлиться.

Раз-два. Раз-два. Азамат не знал, как такое возможно. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый... на двадцать лет запоздалый. А стальные полосы, державшиеся на честном слове и старых, еще деревянных, шпалах, несли дрезину вперед. И уже не верилось, ухнув на очередном ухабе, что за ними на самом деле следили.

Так, хватит. Его дело – свинец и сталь, порох и кровь. Работай, боец, ты снова нужен.

АК превратился в лед. Чертов стальной лед, весом больше обычного «калаша». Металл притягивал и не отпускал пальцы, тянул шерсть драных перчаток, охлаждал через ладони все тело, доставая куда-то в самую глубину. Темнота, подсвеченная серебром, размазывалась намного быстрее летящей в тартарары старухи-дрезины.

Белые мохнатые тени плавали в снегу, скорости, черной пустоте вокруг. Выли, дразня людей и ветер, соревновались в скорости, тянули время, играли в жуткие кошки-мышки. Появлялись в прорехах мокрой холодной стены, пропадали, сливались с бешено кружащимися последышами бури.

Не попадет? Да ладно? Азамат, шаря глазами вокруг, шурясь от лезущего повсюду мокрого холода, начинал злиться. Что-то шло не так. Совершенно не так.

Воздух в снег не холодеет, не превращается в мерзлый студень, мешающий даже двигаться, колющий ледяными иглами до кости. Мороз не может заставить твои глаза видеть расплывающиеся неуловимые силуэты, пусть твои зубы выстукивают сумасшедший ритм, чуть не крошась друг о друга.

Не попадет?

Белый мохнатый вихрь вылетел из снежных клубов. Данг! Мимо. Зверь шелкнул зубами, нырнул назад, издевательски завыв напоследок. Азамат вцепился в рукоятку, прижал приклад плотнее. Крышка холодила щеку даже через намотанный шарф. Железо и мороз созданы друг для друга. Так и звенят в унисон. Дзыыыыыыноооууууу...

– Азамат! – Даша кричала почти ему в ухо.

Сволочи...

Звуки стаи убаюкивали, заставляли тыкаться носом вперед, засыпая. Сволочи...

Вой менялся. Переливался вокруг, окружая тесным кольцом, закрывая собой даже свист ветра. О-у-у-у...

Тени, почти невидимые за сплошной живой стеной, не отставали. Выныривали, мелькали едва уловимыми черными точками носов, прятались. Подбирались все ближе и ближе. Азамат

понял это, понял, полоснул парой коротких вокруг. Отпугнуть, попасть? Он даже не смог бы ответить. Чертовы лохматые бестии обыгрывали людей. Шельмовали на своем поле, чуя хорошую поживу.

Ребенок, ни разу не пискнувший, басовито заголосил. Баба Женщина, ойкнув, прижала его сильнее, стараясь накинуть край одеяльца, заглушить звуки, сбить зверье с толку.

Снег почти сразу раздался под многоголосым воем и коротким жестким лаем. Гонка и охота перешли в новое качество. Жертва подала голос, стая услышала и ответила. Волки гнали стальную лосиху и ее детишек в стальном чреве. Гнали, зная про удачу.

Белая круговерть разлетелась клочьями. Разом, безмолвно, три тени возникли по правую сторону. Белое и черное, колючее и гладкое, глаза и клыки. Три летящих вперед страшных твари, рвущихся к людям и горячей крови. К сочному мягкому поросенку, закутанному в одеялко, к его мамке с огромными, раздувшимися от молока грудями, к пахнущей ребенком и сладким здоровым потом девчужке на полу дрезины, к тянущей болезнью и худющей тетке, к опасным и воняющим сталью самцам на двух ногах. Голод гнал волков Беды вперед. Голод давал силы и ярость.

– Вожак, бей в него! – кричал Костыль, продираясь через вой ветра и волков. – Бей!

Руки вело в сторону. Азамат успел. АК грохнул дробно, скакнул, чуть не дав прикладом в голову. Тело стало ватное, не свое, клонило в сон и к Даше, к полу, к дрожащим стальным пластинам. Но Азамат выстрелил.

Первый волколак, коротко тьякнув, улетел под насыпь. Белое на лету смешалось с красным, плеснуло россыпью живых рябиновых ягод, разлетающихся в стороны. Алое сделало бок его соседа видимым, пусть и на пару секунд, Азамату хватило.

Третий, остановившись почти на месте, укрылся в снежной стене, наваливающейся все гуще.

Азамат вытер мокрый лоб, посмотрел на трясущиеся пальцы. Вожак... вожак...

Из-за белого, кружащегося вокруг водоворота донесся новый вой, навалилось еще сильнее, почти вжимая в сталь. Пуля вцепился зубами в ладонь у запястья, не прикрытую кожей перчатки. Во рту разом посолонело, в глазах заплясали белые круги боли. Но он чуть пришел в себя.

Тройка белых монстров выскочила прямо в корму. Так близко, что пришлось бить очередь, вскочить и шагнуть к ним. Иначе бы не попал. Баба, подхватив оружий сверток, переместилась ему за спину. Азамат бил в упор, кроша сволочей в труху.

– П-у-у-ля-я-а-а-а!!!

Уже оборачиваясь, понял простую вещь: его провели вокруг... вокруг чего там волки могут провести. Сам Азамат выбрал хвост. Выбрать иное было совсем брезгливо.

Краем глаза уловил лишь остаток движения. Величавого, рассчитанного до мелочей, выверенного до микрона, неожиданного и запланированного. Беда подарила своим деткам много полезного. Пси-общение уж точно пришлось волкам ко двору. Нет, не волкам... именно волколакам.

Вожак или нет, какая разница. Огромное поджарое тело вылетело по идеальной дуге и точь-в-точь когда следовало. Не задев бортиков дрезины даже кончиком хвоста, перемахнуло ее, свалившись в никак не редуемый буран. Крик тетки замолк сам собой, сменившись свинцом тишины. Ребенок, видели все, вылетел и попал прямо на рельс. Правда, у самого металла его подхватила новая белая тень.

Вой прекратился. Чуть позже умолк ветер. Совсем чуть спустя они вырвались из белого живого монолита, растущего от неба и до самой земли. Дрезина, постукивая колесами чуть тише, покатила под мертвенным лунным серебром, неожиданно облившим все вокруг. Радости никто не ощущал. А Даша плакала.

– Ну... – Костыль, перестав рвать рычаг и чуть останавливая собственное тело, харкнул за борг. – Вот и она пригодилась. Заплатили контролерам оптом, мать их...

Хвататься за топориче Азамат не стал. И вовсе не из-за черной точки ТТ, смотревшей на него ненавязчиво и сурово. Просто стоило подменить продрогшую, зубы так и стучали, беднягу Уколову.

«Такое разное прошлое: давно выпавший снег»

Вчера вечером небо налилось серо-черным так, что ждал снега. Не получилось, лишь похолодало.

Снег так же незыблем и вечен, как счастье или боль. Всегда рядом, всегда неожиданно и всегда ожидаемо.

Белизна и свежесть превращает осенне-грязную Самару в красивый город. Ему не мешает даже нежелание земляков не мусорить и сигаретные пачки, пакеты из-под шаурмы с использованными гондонами под окнами.

Снег хрустит долгожданно в ноябре и жутко утомляет где-то к празднику мальчиков, носков и рыльно-мыльных подарков с распродаж. Снег рядом всю нашу русскую жизнь и никогда не станет ненавистным. Просто иногда устаешь, не более.

Мы встали на горушке прямо у дороги Знаменское-Горагорск в конце октября девяносто девятого. Укрепились... укрепились так, что спина плакала горячими слезами после двух позиций для гранатомета и орудийных погребов. Плащ-палатки сносило ветром и, отстояв свое ночью, Коля и я полезли в старенькие и насквозь вишивые спальники. А Лифа, оставшись под утро, заснул.

Снег засыпал все вокруг и нас с Колей. Сашка, клюя носом в окопчике, смахивал на замерзшую ворону. Отплевавшись от холодного крошева, растаявшего только на носу и губах, сел, понимая, что дико зол. Коля злился не меньше. И мы не нашли ничего умнее, чем покрыть матом друг друга и прописать друг другу. Я сапогом, Колька своим семидесять четвертым. А Лифа? А Лифа был тупо подонком, да и ляд с ним. С Колей мы помирились в процессе поиска «чего б пожрать».

Январь две тысячи восьмого завалил Самару снегом чуть ли не по крыши припаркованных кредитных «фокусов» с «сонатами». Самарское метро, радостно отдаваясь эхом сотен и сотен людей, принимало в себя, сколько могло. И, наверное, в первый раз после открытия, было совершенно рентабельным.

На следующий день никто и ничто не работало, по Дыбенко, с криками «ура», гоняла счастливая троица на снегоходах, к моей сестре в «Патии», чьи хозяева явно свихнулись от жадности, приехали две «буханки», а через три дня владельцы «нив» и «патриотов» немало заработали на выдергивании из сугробов малолитражек. Виноватого нашли. Как еще... Начальник ТТУ ответил за всех и вся, не выгнав на очистку свои секретные боевые трамваи, а саперы 2-й армии, добравшиеся из Башкирии, уехали просто так.

Моим главным снегом навсегда останется тот, ради которого мой строгий дед, дождавшись моих шести лет, сделал снеговую лопатку. И, даже утыканный окурками и желтый, снег всегда останется грузом на ней, помогавшей моему давно ушедшему деду чистить двор и улицу рядом с домом.

И, да, уже соскучился по тебе, дружище снег.

Глава 4

Проклятый старый дом

Самарская область, г. Похвистнево

(координаты: 53°39'00" с. ш., 51°08'00" в. д., 2033 год от РХ)

Луна плыла в очистившемся небе. Красиво, но опасно. Серая хмарь неба лучше бы чернела, наливаясь дождями, градом, снегом, чем угодно, хоть падающими лягушками. Чистое небо? Значит, жди беды.

Мороз ли опустится стремительным рывком огромного колючего языка, или что другое? Азамат не гадал, знал – надо двигаться, пока возможно. Расстояние тут невелико, по меркам до Войны. Половину они преодолели в проклятый буран, подарив четырехногим хозяевам снежной ночи страшную жертву.

Пока им везло, на небе лишь остро вспыхивали искорки звезд – и все. Ничьи крылья не закрывали трупную зелень серебряного молчащего черепа в небесах. Азамат, как ни старался, ни разу не видел в Луне улыбающегося толстяка или неведомого морского коня. Никогда. Светящаяся блямба, катившаяся себе по непроглядному бархату вверх, казалась лишь чьим-то огромным костяным последышем. И не более.

Разговоров не случилось. Знал ли Костыль о таком варианте для матери и дитяти? Глупо предполагать, что знал. Подозревать его в желании откупиться, скинув за борт тетку с грудником, оставив там стаю? Вполне легко. А смысл?

Раз-два... раз-два... Они все качали и качали, разгоняя железную брочку. Усталость глухо забила куда-то в самые далекие уголки. Ее время вернется, когда дрезина полностью остановится. А сейчас, заостенев в опустошающей злости от собственного бессилия, хотя тут кому как, двое мужиков знай себе гнали старую путевую тележку. Не время трындеть, время работать.

Земля чернела во все стороны. Деревья, темнее темного, торчали скелетами, раскинув сухие загребущие лапы. Сырость хватала через мокрую одежду, цапала промозглыми лапами открытую кожу. Пар не валил, развеивался резкими ножевыми ударами постоянно меняющегося ветра.

– Скоро докатимся, – буркнул Костыль, – афедромом чую. Всей спиной вижу, аки глаз у меня по ней насыпано, как иголок у ежа.

– Ну-ну, – Азамат все же ответил, – посмотрим.

Раз-два... раз-два... до чего ж надоело...

Колеса стучали мерно, разве что не баюкали. Даже хорошо, ведь усталость, коварно и незаметно, хитро и со спины, начинала охватывать добрым десятком мягко-когтистых кошачьих лап. Пару раз Азамат успевал лишь ухватить момент дремоты и выйти из него. Пока справлялся.

Люди – не машины. Люди сильнее и выносливее. Машинам нужны смазка, техосмотр и замена изношенных частей. А людям порой хватает лишь воли. А потом? Ну, а потом случается всякое. Но все равно люди куда сильнее машин. Хотя именно сейчас Азамат не отказался бы от двигателя, неожиданного выросшего у дрезины где-нибудь, пусть даже вместо Костыля. Не больно-то жалко.

– Дома, – Уколова, дующая на ладони и постоянно их разминающая, кивнула головой вбок. – Азамат, дома. И огни, туда дальше.

– Огни? Славно, славно... – Костыль выдохнул, явно устав не меньше Пули. – А домов тут должно быть немало. В отличие от огней.

Он был прав. Подбельск лежал за спиной, судя по всему. И прокатились они мимо него в буран. Азамат неплохо помнил окрестности Похвистнево, но в темноте мало чего разглядишь. Увидеть бы Копейку, все встало бы на свои места. Гора... Горушка невеликой высоты торчала над городом, заметная издалека. Слышал Азамат такую байку – мол, после Войны, стоило лишь Беле начаться, Копейка явственно доказала свое название.

Тот самый купец, которого якобы там и кокнули при царе Горохе, стал являться всем, оказывающимся на вытянутом плоском горбу, нависшем над городком. Так вроде и пер, едва начинало смеркаться, к людишкам, невесть как забредшим туда. Покачиваясь, зло поглядывая налитым кровью глазом, тряся рубахой, изгвазданной в кровище, и постанывая. Что там стояло привидение, никто не знал. Стонет, мол, и все тут.

Ох... Азамат снова задремал, сам не заметил, как, задумавшись про купчину, давным-давно сгинувшего за-ради найденной при нем лиходеями одной копейки. Твою ж...

– Точно, Похвистнево, – Костыль оглянулся, – у них на форту всегда ночью красный горит. Типа, стой, прохожий, иначе помрешь.

– И нам стоять придется? – поинтересовалась Дарья.

– Посмотрим. Но мне не хотелось бы. Желается оказаться в тепле, каком-никаком уюте и, по возможности, помыться. И пожрать. И выспаться в кровати. И...

– Ты на пожрать-то имеешь что за душой? – поинтересовалась Уколова. – А то бабу ему подавай.

– Какую-такую бабу? – удивился Костыль. – Даже и в мыслях...

– Верю-верю всякому зверю, – Уколова слабо улыбнулась, – даже ежу. А тебе, Костыль, погожу.

– Да и...

Что скрывалось за «да и...», они не узнали.

– Ракеты! – Даша встала. – Смотрите!

Тах... Тах... Осветилки вылетали по две.

– Нас услышали, – Костыль кивнул самому себе, – сбрасываем ход. Форт близко.

– Услышали?

Вот бестолочь, а еще на станции жила... Азамат хмыкнул. Такой лязг подняли по ночной округе, рельсы гудят в любом случае, а она спрашивает. Большая вроде, а все как ребенок.

Свет резанул по глазам, привыкшим к темноте. Проектор бил издалека, нащупывал – и нашел их. Не иначе, «Луна» военная с бронетехники... Ох, и шарашит же, аж обжигает.

– Ща горлопанить начнут! – деловито поделился Костыль. – Точно вам говорю.

– Сбрасывайте скорость! – рявкнул матюгальник со стороны города. – Говорит капитан форта. Сбрасывайте скорость.

Предупредительные трассера легли по бокам, канув в тьму. Красиво летели, сволочи, жужжа и светясь. Костыль вздохнул, почти перестав качать. Ну, а что?!

– Эй, просто Дарья... – наглый попутчик наклонился вперед. – А что у тебя с глазами, а?

Азамат успел только обернуться. Мазнуть глазами по совершенно белому лицу с черными провалами зрачков, разом заполнивших радужку. Уколова, все же задремавшая и пропустившая даже ор мегафона, не успела ничего.

Даша просто встала на борт дрезины и шагнула в черное несущееся пространство. Раз – и как не было девчушки...

– Стой! – Уколова перевесилась наружу, всматриваясь в темноту. – Стой!

– Не останавливаться... – почему-то прошептал Костыль. – Етишкин кот...

– Не останавливаться! – рявкнули с форта. – Не останавливаться!

Очереди легли ближе. Почти просвистели рядом, заставили Уколову нырнуть назад. Губы старлея тряслись.

Азамат, качая головой, налегал на рычаг. Не останавливаться, пят`ак! Хорошо, пока не останавливаемся.

Форт город сделал из бывшей водонапорки и больших вагонов-рефрижераторов. Проезд загораживал маневровый тепловоз с закрепленным на корме ножом бульдозера и наваренными бойницами. Пыхтя и вздрагивая, металлическое чудовище готовилось двинуться. Вперед, давя неизвестных, либо назад, если пропустят.

По флангам громоздких укреплений, перекрывая подходы, тянулись сразу два рва и валялись разбросанные тут и там «ежи» из сваренного старого железа. Колючка, тряские грохочущие консервные банки, наверняка «егоза» по периметру и самопальные сигналки. Все как обычно.

– Встали, руки вверх, оружие не лапаем. Открыли лица и смотрим вверх, вспоминая о Боге. Вы же готовы встретиться со всевышним, бродяги?!

Костыль стянул маску и сплюнул.

– Матвей, хорош гнать... Это я.

Вместо металлического рыка по металлу зацокали металлом набоек. Невысокий, в ладно подогнанном стареньком «дубке», в кожаном шлемофоне и маске, Матвей спустился вниз очень быстро.

– О как, какого бешеного пса к нам принесло попутным ветром. Откуда путь держишь, менестрель сраный?

– За сраного можно ответить, – Костыль хмыкнул. – После дежурства, само собой. Да и не пою я больше.

– Ну да, как я забыл. После женушки Кривого и мне бы петть не захотелось. Чего ж не остался, если сделал супругу серьезного человека вдовой и хозяйкой целого курятника?

– Не люблю деревенскую жизнь. И в говне ковыряться тоже не люблю. Да и бабенка глуповата. Так... на пару раз отдохнуть, хотя, сам понимаешь, сиськи зачетные. Неужель никого не нашла?

– С таким приданым как же не найти, нашла. Это кто?

– Знакомые. Помогли с Черкасс удрать.

– О как. Есть из-за чего удирать?

Костыль ответил не сразу. Азамат понял. Расскажешь про хрень, творящуюся в селе, – можно помереть прямо здесь. Если, конечно, в карантин не попадешь в лучшем случае.

– Перебежал дорогу тамошнему голове. Сам понимаешь, из-за чего. Больше сисек богу сисек. И самогона.

– Дурак ты человек, – Матвей усмехнулся, – нигде не задерживаешься из-за одного и того же. Погубят тебя бабы.

– Погубят его не бабы, а неумение думать головой и умение думать чем-то другим, – Уколова не выдержала. – У меня девочка убежала, надо...

– Надо? – удивился Матвей. – Вам надо, так возвращайтесь. Мы к чертовой бабушке не полезем. Ну его в... Ну его, чертов черный дом. Не... Хотите – возвращайтесь. Подсвечивать дорогу не станем, потом еще к нам придет. У нас нейтралитет с этой дрянью.

– С какой? – спросил Азамат, радуясь неистраченным десяти патронам. Если караульные, тертые калачи с пулеметами, не хотят куда-то идти, то придется ему. И, видать, дело серьезное. Жаль, кончились пули боло. – С какой дрянью?

– Я ж сказал, – лениво процедил Матвей, – с чертовой бабушкой. Раз девчонка туда пошла, значит, позвала ее старуха. И теперь какое-то время по окраинам детишки пропадать перестанут. Нажрутся твари и спать лягут.

– Как – нажрутся? – Уколова сглотнула.

– Ну, как... может, молча, а может, и обсуждая текущую политическую ситуацию в мире. Кто их разберет, упырей. Хана ей, вот и все. Живыми оттуда никто не возвращается. А если

возвращаются, то мы их сжигаем, как правило. И безопасности ради, и эстетики для... Больно уж вонюче они пахнут. А че, когда помер, то гниешь, знамо дело. Жутко падаль эта воняет, трупниной несет от них, кто все же возвращается. Вот и жжем. А им насрать, они ж померли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.